

24(2=411.2)

А. ДЕМЧЕНКО

Д 318

ШАРГАЙТА

АЛТАЙКРАИИЗДАТ

1952

63998

~~72883~~

63998

rep.

P2
Д-30.
А. ДЕМЧЕНКО

ШАРГАЙТА

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

✓ 0 ✓
1956
ИЗБ. 63998

ГЕРНО-АЛ-АУС-АУС-ОДН-СТАА
• БИБЛИОТЕКА •

АЛТАЙСКОЕ КРАЕВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Барнаул, 1952

ШАРГАЙТА

Мы устроились на ночёвку на самой вершине Кырлыка. Огромная клювообразная гора нависла над Шаргайтинской долиной. Будто хищник, выросший до сказочных размеров, просматривала она всё ущелье, подкарауливая кого-то. Внизу, искрясь на камнях, катила свои бурные воды шумная беспокойная Шаргайта. Речку эту, с виду неширокую, мы с трудом перешли вброд. Вся долина вверх по реке была покрыта зелёным кустарником, а скалы были открыты для трав, которые и росли буйно, взбираясь всё выше и выше.

Пока Маныкы Туткушев, высокий и сухой старик с жёлтым, как воск, лицом, собирал хворост и раздувал костёр, мой спутник по охоте, Павел Петрович Никитин, освободившись от ягдташа и тяжёлого пояса с патронами, успел обстрогать палку и воткнуть её у костра, перегнув слегка через толстую колодину, сучком к огню. Вскоре на этом сучке заклокотал медный котелок с чаем.

Мы пили горячий душистый чай и восхищённо поглядывали в долину.

— Посмотри, что это движется там белоснежное? — спросил Никитин, указывая на вершину ущелья.

— Кажется, овцы, — сказал я и посмотрел на Маныкы, который, прищурясь, цедил вкусный чай из красной деревянной чашки.

— Овцы, — кивнул он лысой головой.

— А вон ещё и ещё! — вскричал мой товарищ.

— Смотри как красиво, будто снежный обвал сорвался сверху!

И на самом деле: овцы вдруг рассыпались в широкую живую лавину, затопив весь косогор.

— Куда ж они?

— Там есть дом и кошара, — сказал Маныкы, продолжая пить чай.

— Верно! — воскликнул Павел Петрович. — Смотрите! Вон, вон крыша!

За густыми зарослями кустарника красноватым блеском лоснилась новая крыша.

— Кто ж тут живёт? — спросил я у старика.

— Тут две семьи... Это их отары. Новая порода, Шаргайтинская... Премию получили большую, Сталинскую...

— Лауреаты Сталинской премии в Шаргайтинской долине? — Мы посмотрели друг на друга.

— Я расскажу, — пообещал нам старый охотник. — Хорошие люди. Настоящие...

Вот о чём рассказал нам Маныкы Туткушев.

1

Десятки лет в этой долине кочевали вместе две семьи: Ялатовы и Ачубаевы. Бывало так: если Ялатов вёл свою отару со стороны тракта, Барлай Ачубаев спешил ему навстречу. И, наоборот, если Барлай сворачивал от большой дороги и шёл вглубь долины, Санах мечтал о той минуте, когда они у одного костра выкурят свои трубки. Иной раз даже словом не обмолвятся старики. Посидят часок, другой, подымят, и снова на коней...

Отрадно видеть отару друга здоровой, сытой и резвой, а самого его спокойным и довольным.

Незадолго до войны вызвали их как-то под осень

в облисполком. Там проходило большое совещание животноводов. Во время перерыва зоотехник Майя подошла к отцу и взяла его под руку. Санаш заметил необычные блёстки в чёрных глазах дочери.

— Отец, вы, лучшие чабаны области, должны поддержать моё выступление... Сейчас я с докладом выступаю...

— Ты — доклад? — удивился старик. О чём же ты говорить будешь, дочь?

Санаш знал, что такие блёстки в её глазах горят в минуты, когда Майя чем-то очень взволнована, когда она о чём-то серьёзно думает...

— Я приведу убийственные цифры, отец. — Майя нервно теребила в руках тяжёлую косу.

— У нас, кажется, нет убийственных цифр... Слышала, опять похвалил председатель?

— Да, но цифры такие есть, отец...

Санаш в упор посмотрел на дочь.

— Есть, есть, отец... И у тебя... и у Барлая...

Перед Санашем пронеслось тяжёлое воспоминание. Как-то у него в отаре окотилось ночью пять старых овец. Ягнята были растоптаны, а самих маток едва отходил Санаш. Не доглядел суягных, не отбил их вовремя от отары. Об этом знала только Майя. Впервые за многие годы работы случилось это у Санаша. План был всё равно перевыполнен за счёт двойняшек, сам Санаш из дополнительной оплаты оставил в отаре пять ярок... Убыток не понёс колхоз. Конечно, для старого чабана этот случай очень неприятен... Неужели о нём хочет сказать Майя?

— Ты хочешь позора на мою голову? — оглядываясь, прошептал Санаш.

— Тут позора нет... А виноваты мы все.

— Как язык у тебя повернётся? — Ни на шутку испугался старик... Майя засмеялась.

Когда она пошла к трибуне, Санаш остался у буфета, чтобы не идти в президиум: ему было страшно слышать убийственные цифры на виду у всех. Никогда ещё область не видела его в списке плохих чабанов.

— Вот тут, с этой трибуны, ежегодно называют лучших чабанов, — сказала Майя, отыскивая глазами отца, — Ялатова, Ачубаева, Байрамова, Туткушева... Это

правильно: они хорошие чабаны. Но посмотрите, что за овечки в их отаре? Много ли даёт она шерсти и мяса? Очень, очень мало. Вот, к примеру, отец... Самая лучшая овца в его отаре даёт не более одного килограмма шерсти, а весит — один пуд с головой и рогами. Это убийственные цифры, товарищи!..

Санаш не верил, что с овцы можно настричь больше шерсти, не верил в новую породу. Завозили на Алтай чистопородных овец. А что проку? Не выживали. Может, не умели ухаживать за ними? И всё-таки не следует охаивать известную сотни лет, крепкую и выносливую простую сибирскую овечку...

В перерыв к Майе нельзя было протиснуться — её окружила молодёжь, засыпала вопросами, советами. Невысокая, стройная, с худенькими плечиками и лицом коричневого отлива на щеках, с красиво вздыбленными чёрными бровями, стояла Майя в самой кипени и, смеясь, что-то сразу всем отвечала. Увидев отца с Барлаем, она подошла к ним.

— Слышал, как прокатила старых? — мигнул Санаш другу.

— Она права, — сказал Мурат, сын Барлая, — такая новая порода будет на Алтае. И мягкую дорогую шерсть давать будет, я знаю...

Мурат стоял перед стариками, как молодой горячий кобчик, — решительный, с гордо приподнятым крутым коротким носом и сверкающими карими глазами.

— Ой-ой! — отмахнулся Санаш. — Не горячись вперёд старых... Посмотрим...

— Спасибо, Мурат, хоть ты меня поддержал перед ними! — сказала Майя, обмахиваясь платком.

— Теперь, поди, и премии не дадут? — то ли в шутку, то ли всерьёз сказал Барлай, теребя чёрную бороду и хитро шурясь.

— Теперь будут введены новые показатели, — ответила Майя.

— Какие же, дочь? — не скрыв тревоги, спросил Санаш.

— Не только воспроизводство стада, но и продуктивность.

«Да, могут и не дать», — подумал Санаш.

...Но премии дали, лучшие премии в этом году: пу-

тёвку на курорт в Сочи и молодого жеребчика донской породы. Обе премии им, Санашу и Барлаю.

— Вот только кому какую — решайте сами, — сказал председатель. — Оба вы с одинаковыми показателями, будто сговорились...

— Сговаривались мы не раз, — сказал Санаш.

— Думаю сговоритесь и теперь, — улыбаясь, сказал председатель.

— Не подерёмся, — ответил Барлай.

Майя посоветовала отцу взять путёвку:

— Сочи — лучший курорт в мире, лет пять старости сбросишь.

— Даже год вернуть и то косяка дончаков стоит, — мудро решил Санаш.

Он взял путёвку, а Барлай — дончака. Оба остались довольны. Барлай за хорошего коня жизни не пожалеет. Знал это Санаш, поэтому и предложил так поделить премии.

Принимая путёвку, Санаш спросил:

— Может, ещё одну можно за наличные?

— Зачем тебе две? — удивился председатель.

— Дочку хочу сам премировать... Училась ладно, забот не давала...

— Купить, пожалуйста... Купить можно, — улыбнулся председатель, вполне понимая старика (у него самого пять сыновей учились).

— Вот, спасибо... Теперь можно ехать, дочь...

Майя счастливая вышла вместе с отцом.

Но что это Мурат повесил голову? Чем недоволен он? Когда выехали за город, он то отстанет, то вырвется вперёд птицей. Поравнявшись с Майей, спросил, хмуря тонкие брови:

— Что тебе Кавказ, Майя? Горы как у нас. Даже, говорят, хуже...

Майя перебросила за спину косу, улыбнулась.

— Ну, а что?

— Как что? — натянул он повод так, что жеребец присел на задние ноги... — А.... а занятия по зоотехнии? Что мне ребята на это скажут? — И поехал вперёд, вконец расстроенный её спокойствием.

Майя откинула голову назад и счастливо рассмеялась.

И вот она в Сочи. Смотрит на море, и видятся ей сердитые глаза Мурата и голос его, ломающийся от обиды, долетает издали.

Жить на курорте, конечно, хорошо. Но ведь курорт — не дом, а здешние горы — не Алтайские! И Майя писала длинные письма подругам.

А Санаш познакомился на курорте со стариком-садоводом Макаром Калининниковичем. Интересные вещи рассказывал садовод. Упорный старик. Весь век живёт на севере, на Кольском полуострове. Много вывел различных сортов яблонь и других плодовых деревьев, а сейчас думает вырастить виноград. И всё допытывается про земляка Санаша — Михаила Лисавенко... А Санаш, хотя и под боком у Лисавенко жил, но рассказать про него ничего не мог.

Удивился Калининникович.

— Неужели вы своими овцами только и живёте? Да и овцы, поди, такие, что ни шерсти, ни шкуры доброй. Так ведь?

— А ты как знаешь? — обиделся Санаш.

— Не умеете вы ещё на себя заставить работать природу-то, — сказал садовод. Он резко махнул сухим кулачком и вытащил из кармана никелированную баночку с нюхательным табаком. Был Калининникович маленького роста, худой, в чём душа держится, только глаза и выделяли его: сердитые, острые. Короткие лохматые брови висели над переносицей, как взъерошенные осенним ветром метёлки пырея.

— Мы, Санаш, — говорил он надтреснутым от простуды голосом, грозясь длинным крючковатым пальцем, — мы должны открыть сами секрет природы. Это нелёгкое дело. Сколько огорчений будет на пути! Сколько неудач! Другой раз, кажется, ну всё: улыбнулось счастье. Только ты руку протянешь, чтобы взять его, а оно хлоп по руке: назад! Не горячись, не дури в такие минуты. Начни сначала. В каждом деле упрямство нужно. Я вот тебе такой случай расскажу. Садись.

Они садились под тень дерева и смотрели на море.

— Вот ведь смотри, какая благодать здесь! А воздух! Тут, что ни брось в землю — всё будет расти,

цвести, давать плод... А вот у нас там... Да и у вас не больно-то щедрое лето. Знаю. Ну, слушай. Выводил я один сорт яблонь из тех, что жили только в средней полосе России. И, представь себе, после скрещивания из всех саженцев очень заметно пошёл один. Остальные тоже росли хорошо, ну а этот прямо не по дням, а по часам прёт. Слежу за ним. Вымахал больше метра, и вдруг, смотрю, что за диво? Завязь... Мать моя! Зацвела моя яблоня в первый год! Чудо из чудес! Никогда такого в практике не было! Смотрю, отцвела, плод завязался хорошо... Растёт яблоко. С горошину. Больше, больше. Вот уже с кулак. Вот он, думаю, этот скороспелый сорт, который пойдёт здесь. Зреет яблоко. Краснеет. Трясусь над ним, как клушка над цыплятами. Так ведь посуды: одно разъединственное яблоко из нескольких сотен саженцев! В эти дни стали мы пахать под новую посадку. Пахали рядом на тракторе. Отлучился я зачем-то в деревню, кажется, в контору колхоза... Прихожу. Парни отпахались, уехали. Прошёл я по саду. Подхожу к заветной яблоньке, которую уж и окрестил по своему — «Успехом» назвал. Подхожу и вдруг застываю, как истукан: нет яблочка! Исчезло. Я рыскаю кругом — нет! Пропало. Следы вывели к пахоте: мужские кирзовые сапоги на резиновой подошве. Значит, съели парни. Веришь, — плакал. А они признались, да ещё обижаются: «Что это, говорят, за садовник, готов из-за одного яблока удавиться! Мы ещё не видели такого скопидома». Ну, что ты им скажешь?

— Так, значит, и пропало дело? — не выдержал Санаш, жадно слушая старика. Тот сердито посмотрел на него.

— Дело пропадает у людей слабохарактерных. Садоводы не имеют права быть такими. Вот уже пятый год скороспелые яблоки растут у нас почти в каждом колхозе. Хочу взяться за виноград.

Он достал баночку, повертел её в руках, открыл и взял щепоточку табака.

Поразил Санаша старик. Может, он и в животноводстве толк знает? Не откроет ли он Санашу секрет, как сделать овечку богатой — и с шерстью хорошей и с мясом?

— Нет, — сказал Макар Калининкович. — Секретов не знаю. Но знаю одно, что нет такого дела, которое нельзя усовершенствовать. Надо попробовать вам скрестить овечек с улучшенной породой, совсем из другой полосы России, например, с южной какой. Мы, мичуринцы, например, делаем так. Хорошо прививается.

Слушая садовода, Майя чувствовала стыд за свою работу. Ничего она ещё не сделала. Ровным счётом ничего... Ей даже странным казалось своё безделье на курорте. Вот пойдёт тот садовод и расскажет всем, что получили Ялатовы премию такую дорогую, а ведь они ни изобретатели, ни новаторы, обыкновенные рядовые скотоводы.

Последние дни Санаша всё пуще тянуло домой. Даже слабость ощущать стал во всём теле. Когда взвёсился и узнал о солидной прибавке — не поверил.

— Какой лёгкий курортный жир, — сказал он, недоверчиво косясь своими маленькими глазами на врача. — Жир есть, а голова кругом идёт...

* * *

...Только дома понял Санаш, что окреп и посвежел на курорте. Но будто подменили старика. Стал он молчаливым, задумчивым. Первым делом осторожно снял со стены все свои почётные грамоты, завернул в бумагу и спрятал в сундук. Приехавший как-то Барлай, просто перепугался за друга.

— За что на колхоз осерчал, Санаш? — кивнул он лысой головой на стену.

— Не на колхоз, а на себя, — ответил Санаш угрюмо, покусывая кончики опущенных редких усов.

Станным, очень странным стал Санаш.

— Скажи, не болезнь сушит? — допытывался Барлай.

Улыбался Санаш, качая головой, и то ли шутил, то ли говорил правду:

— Мечтать научил меня один знакомый садовод. Макаром зовут...

— Эй, смотри, разве ты девка? — качал неодобрительно головой Барлай. — О чём же?

— Приезжай радио слушать, Майя привезла, — от-

вечал Санаш и голос его теплел. — Про большие урожаи слышал? Триста пудов есть... Про пшеницу, у которой... по десять колосьев, знаешь? А виноград, который будет ползти по снегу? Будут всё это делать такие же люди, как и мы с тобой. А что у нас нового? Те же овечки, что и сто лет назад, та же тебенёвка.

— И правда, мечтать научился, — смеялся Барлай. Но слова друга тревожили его. За ними видел он нового Санаша. Это пугало Барлая. Не тем пугало, что не по душе ему мечта его была. Нет. А тем, что не верил уже в свои силы Барлай. Что ещё надо Санашу? Их ценят, ими гордятся... Откуда же быть недовольству своей работой? Да и много ль уже надо теперь им, старикам! Много ль жить-то осталось?

А Санаш щурился на него и насмешливо говорил:
— Разве человек рождается трусом?

3

Майя за эти дни побывала на зональной станции. Переговорила с учёными зоотехниками. Съездила в опытную отару (станция занималась выведением новой породы овец). На станцию ждали прибытия партии баранов-южан.

Домой Майя прибыла оживлённая, обрадованная.

— Нам нужно во что бы то ни стало добиться, чтоб правление не возражало против покупки баранов. Хоть одного племенного барана из этой группы.

— Смотри, Майя, — говорил осторожный Санаш. — Как бы на шею нам не повесили его.

— А повесят — рассчитаемся. Будем настаивать.

Майя тщательно просмотрела всю отборную отару овец. Смотрела очень придирчиво, особенно на качество шерсти.

— Замечай, отец, самых крепких маток, самых лучших по шерсти и мясу...

Старик отобрал из всей отары 80 маток.

После осенней стрижки Санаш наделал шуму на весь колхоз, он согласился работать только с этой горсткой овец. Верно, это были лучшие овцы в колхозе. Но что он с таким количеством их будет делать? Ведь он

и трудоводень не зарабатывает в сутки, не говоря уже о прибавке!

Главным виновником этой затеи была Майя, конечно. Она всё возилась с отарой, ездила в область, на зональную станцию, советовалась о чём-то, потом отца подучала. Старики неодобрительно качали головами. «Крутит всё девчонка! Где оставил мужское достоинство Санаш?»

— Не горюй, отец, — говорила Майя. — Поживём пока без больших прибавок, лишь бы толк был из нашей затеи, а там... Там вся область ахнет!

На правлении колхозном она категорически заявила:

— Можете мне не доверять, я молодая. Пусть так. Но нам будут помогать шефы...

— Кто? — насторожился Ешев, председатель колхоза, очень обрюзглый, осторожный, неторопливый человек, лет пятидесяти, с полными голыми щеками и глазами навывкате.

Был Ешев как руководитель не на последнем месте в районе, но и никогда не думал о первом. Всякие эксперименты его пугали, вносили анархию в спокойный бег его мыслей и враз заведённый им порядок.

— Кто шефы-то, — переспросил он.

— Зоотехники опытной зональной станции, — сказала Майя.

Очень не хотелось Ешеву отпускать и Санаша. Но он, как председатель, не мог не поддержать нового начинания, хотя очень сомневался в его результатах.

— Слушайте, как это вы берётесь за такое дело безо всякого директивного указания свыше? — сказал он.

— А зачем нам директивы? Мы и без них... Сама жизнь есть директива, — отрезала Майя.

— Но как же это? Позвольте... Вышестоящий орган... Я не могу пойти на это... Нет, нет... Это не частное дело.

— В том и дело, товарищ Ешев... Не думала, что вы такой... такой... малодушный человек!..

— Как хотите называйте... Согласую съезжу...

И он ездил согласовывал. Вопрос об улучшении продуктивности ему был давно знаком. Десяток раз писались резолюции об этом. Но одно дело резолюции,

другое — живое дело. Конечно, будет очень лестно, если о колхозе заговорят... А если провал? Кто ответ будет держать?

Всё же отару передали другому чабану. Санаш отобрал пастбищный участок, определил, когда какой загон будет стравливать.

— Смотри, Санаш, не растеряй овечек, — ухмылялся Барлай, намекая на малочисленность санашевой отары.

4

Однажды Барлай, вернувшись с пастбища домой, услышал шумный разговор. Он сразу узнал Майю. Она говорила, как всегда, горячо:

— Нужно доказать, что вещь эта необходима, как воздух. Не можем мы топтаться на одном месте, как стреноженные кони. Вы только подумайте: если увеличить настриг шерсти на десять граммов по каждой овце — колхоз получит 50 тысяч рублей дополнительной прибыли... А мясо?

— Конечно, мы поддержим тебя, Майя, но учти: вся ответственность на тебе. Вынесешь?

— Да, — решительно сказала девушка, — я ручаюсь.

— Я шучу, Майя, — улыбнулся Мурат. — Мы все будем в ответе... Вся наша организация.

Стоит Барлай в сенях и боится зайти в дом. Вспомнил он, как вчера застал своего друга за необычайным для него делом. Сидел тот на колодине, спиной к тропе. Отара разбрелась по долине. Путаясь в поводу, ходил конь. Никогда не был таким неряшливым Санаш, чтоб не закрепить за седло повод. Санаш сидит, склоняясь над чем-то. Подъехал Барлай ближе, хрустнул веткой его Каурый. Тогда вскочил Санаш, что-то белое под колодину сунул.

— А-а, это ты? — узнал он Барлая, а сам ногой шарит под колодиной. Видит Барлай — книжка с другой стороны высунулась. «Зачем она Санашу? Уж не учёным ли собрался стать неграмотный всю жизнь Санаш?» Но удивление своё не показал Барлай.

— Что нового? Что говорят по радио? — спросил Барлай и, соскочив с коня, присел рядом с Санашем.

— Разное. Но больше про то, как найти короче пути к богатой жизни.

— Может, путь в этой книжке записан? — не выдержал Барлай и поднял книжку. Санаш спокойно взял её из рук друга и, глядя ему в лицо, твёрдо ответил:

— Ты отгадал, Барлай... Здесь указан этот путь для нашего колхоза.

— Может, прочитаешь ты мне? Я плохо вижу такие мелкие буквы, — съехидничал Барлай.

— Хорошо, — невозмутимо сказал Санаш и раскрыл книжку. — Вот. — Он ткнул пальцем в лохматого барана (картинка занимала всю страницу). — Вот этот путь, Барлай!

— Этот? — покосился на короткие ноги барана Барлай. — Ты, наверное, заболел, Санаш? Какая муха тебя укусила, мой друг?

— Вот от каких мух ты станешь чесаться, Барлай, посмотрим, — без всякой обиды и злобы возразил Санаш. — Это мы посмотрим, Барлай.

— Ты хочешь заставить весь колхоз сено косить для твоих баранов? — вскипел Барлай, сердито шевеля лохматыми чёрными бровями. Когда Барлай сердился, он ещё больше чернел, а Санаш, наоборот, краснел, только кончик острого носа и уши белели.

— Зачем весь колхоз? Для трёх баранов я сам голый рукой надёргаю травы...

— А их приплод? Приплод кто кормить будет?

— Он сам себя будет кормить, потому что ноги и выносливость он отберёт в наследство у матери...

Плюнул Барлай, вскочил на Каурку и уехал...

А вот сейчас всё припомнилось это, весь разговор с Санашем. И понял он, что в его доме сейчас идёт продолжение разговора Санаша, его мыслей и дум. И стало ему почему-то не по душе всё. Трудно Барлаю разобратся в чувствах, только одно, очень похожее на зависть, вдруг вспыхнуло в нём. Он понял, что виновником его тревог, нахлынувших внезапно под старость, были Санаш и вот эта девчонка — Майя...

Не помня себя, Барлай заскочил в дом и накричал, нашумел на Майю.

— Зачем людей смущаешь и жизнь перевёрты-
ваешь? Ищи лучшего, а мы и так всем довольны!.. Ты и
отца с ума свела... Не пожалела его седины...

— У меня отец не стал бы от этого кричать до нату-
ги в голосе, — ответила Майя и, накинув тёплый полу-
шалок, быстро вышла на улицу.

Впервые за свою жизнь Мурат бросил на отца пре-
зрительный взгляд.

— Как это ты на неё с кулаками ещё не полез...
Удивляюсь! — Схватив шапку, он выбежал вслед за
Майей.

Барлай, дико вращая глазами, поддел ногой табу-
рет и долго ещё бушевал один. Наконец, успокоился,
свернув ноги калачом, опустил около железной пе-
чурки, пригрелся и задремал с трубкой во рту.

В эту ночь он до смерти перепугал старую Мерей.
Он кричал и метался на постели, звал кого-то, стонал,
а проснуться не мог.

— Злой дух душит старика! — переполошилась ста-
руха. Крикнула сына, но тут же вспомнила: уехал с
вечера на свою ферму и не возвращался ещё. Сама рас-
толкала Барлая.

— Кончилось? А где Санаш? — пробормотал он,
оглядываясь.

— У-у-у! Господи, и вправду злой дух — пробормо-
тала испуганно Мерей. — Кончилось... Кончилось... —
сказала она. — Никого нет!

Барлай очнулся и вышел во двор. Стояла тихая
ночь. К Барлаю подошёл дончак Каурый. Жеребчик
вырос в резвого и умного коня. Часто поверял Барлай
ему свои думы. Тот слушал, поводил ушами и, каза-
лось, понимал.

— Это не сон, Каурый, — сказал Барлай. — Сидит
Санаш за столом президиума один, без Барлая... Так
будет... Я чувствую...

5

Прибыла партия баранов на зональную станцию.
Узнав об этом, Майя тотчас доложила Ешеву. Осто-

— Ставьте.

Ешев собрал снова правление, и решение состоялось.

Вскоре бараны были доставлены в небольшую кошару на зимовку Ялатовых. Были они красивы: по самые уши покрывала их серебристая шерсть, в тройные кольца были закручены рога с окаменевшими рубцами. Один недостаток их бросался всем в глаза — были они коротконоги.

— Им не в горах жить, — сказал Барлай, — им по деревянному полу ходить. — Однако, прощупав животных опытным взглядом, тут же решил: «Если бы этим баранам ноги и выносливость сибирской овечки — принесли бы колхозу огромное богатство».

Вечером того же дня собрала Майя всех чабанов и прочитала лекцию о том, какая задача ставится сейчас перед колхозами по улучшению стада.

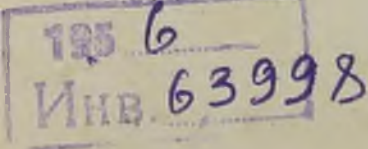
— Вот эти бараны произведут большую революцию в нашем колхозе. Они улучшат нашу овечку.

Барлай переглянулся со стариками. Правду сказал Санах: люди ищут коротких путей к счастью.

6

Барлай отлично понимал, что не всё ли равно, кто из членов коллектива прославится своей работой, если она, эта работа, умножает богатство твоего родного колхоза. Всё это было ясно Барлаю, но получилось так, что он с первых дней не поддержал Санаха, боялся на старости лет остаться побеждённым в соревновании. Конечно, это было ложное чувство, и сейчас Барлай не мог себе простить этого. Он стал раздражаться успехами Санаха и открыто защищать недоброжелателей его дела. Хотя так и хотелось другой раз откусить свой язык...

А Санах, казалось, ничего не видел, не замечал. На зимовке его строили новую кошару. Торопились до снегов закончить. За всё это время он никуда не выезжал. Иногда, выпустив баранов, изучал их повадки. О друге своём даже ни разу не вспомнил. Это ещё больше обидело Барлая.

Однажды Санаш, объезжая зимние пастбища, завернул к Барлаю. Тот не ждал, растерялся. Сначала вроде и обрадовался, но тут же съязвил:

— Планируешь? А не подсчитал, сколько на одном месте былинок растёт?

— Мне жалко тебя, Барлай. Видно, за эти годы тышибко потяжелел... Смотри, можно вылететь в раскате... Знаешь, небось, какие у нас зимой дороги в горах, — так загадочно проговорил Санаш, поклонился и вышел.

Вечером Барлай остановил сына.

— Куда? — хмурясь, сказал он.

Мурат удивился.

— Дело есть. Договорились своими силами строить родильное помещение...

— Где?

— У Ялатовых.

— Не пойдёшь к ним. Забудь туда дорогу... Расседывай коня! — потребовал старик.

Мурат улыбнулся снисходительно и спокойно сказал:

— Ты, отец, неправ. Как ты можешь плохо думать о них?

— Не учи! — задыхаясь, проговорил Барлай.

— Послушай, что я тебе скажу, отец. Думая плохо о них, ты плохо думаешь о колхозе. Вот так получается, отец.

Барлай дрогнул и выпустил из рук недоуздок.

— Желторотый воробей! Ты старших вздумал учить? — закричал он в бешенстве.

Мурат поднял коня на дыбы, перемахнул ограду и в два прыжка достиг тропы. Оттуда крикнул:

— Не жди меня, пока не одумаешься! — круто повернув вправо, он помчался к стоянке Ялатовых.

Старик долго смотрел ему вслед.

Комсомольцы сдержали своё слово: к вечеру более двух десятков подвод на волокушах подтащили лес к зимовке Ялатовых. Приехала из правления Майя. Надо было выбрать подходящее место для постройки.

— Рекомендовали у ручья, — сказала она. — Я думаю тоже, не плохо будет. Давайте поровнее место.

Остановились на ровной площадке недалеко от кошары, на солнечной стороне.

В тот же день закипела работа. Майя сама взялась за топор, и скоро около неё был целый маленький штабель затёсанных, как карандаш, осиновых кольев.

Ребята с помощью клиньев распарывали листовые, кряжи. Санаш с Муратом, освободив от коры ровные пятиметровые брёвна и вырезав на одном конце их четырёхугольные шипы, закапывали брёвна в землю... Это были первые столбы.

Работали весело. Любуясь движениями Мурата, Санаш думал: «Откуда такая сила и сноровка?» Словно угадывая его мысли, Мурат сказал:

— В прошлом году, на лесозаготовках очень полюбилась мне работа... На резке и трелёвке нужна большая ловкость и уменье...

«Хозяин. Настоящий хозяин — смелый, решительный», — думал Санаш, глядя на Мурата. Спросил:

— Что отец?

— Как туча.

— Не скажешь ли мне почему? Никак не пойму.

— Я сам трудно понимаю его. Ведь не желает он плохого колхозу. Это я знаю. Что ж тогда с ним?

— Вот, когда хорошо направится дело, — сказал Санаш, — пойду к нему и скажу: «Принимай отару, Барлай! Отару улучшенных овец!» Он мастер... Он сумеет сохранить отару. А без дружбы нам нельзя...

— Да, товарищи, — вдохновенно сказала Майя, — это будут такие дни для колхоза!

Мурат шагнул к ней.

— Ты станешь известной, — в глазах его мелькнула искра. — О тебе в газетах станут писать. И тогда, — он махнул рукой, — тогда прощай, Майя!

— Ой, тут будет очень много работы, Мурат, — улыбнулась Майя. — Я никуда не поеду. Новая овца прославит наш колхоз. Она будет гордостью Алтая...

Санаш слушал и качал головой. Зачем говорить такие слова, когда ещё неизвестно, какой приплод получится.

...Через неделю, у ручья, чуть пониже Санашевой усадьбы белела новая постройка. Это было родильное помещение.

* * *

Зима прошла в заботах об отаре. Наступила весна. Близилось уже время окота. Маток отбили и подкармливали сеном и концентратами.

Окота ждал весь колхоз. С дальних стоянок приезжали к Санашу чабаны. Гости ходили по кошарам, удивлялись их чистоте, подолгу простаивали у баранов. Родоначальники будущей породы чувствовали себя хорошо. Они были веселы, имели хороший аппетит. Своим великолепным видом они внушали уверенность в благополучном исходе большого дела.

В первых числах апреля ручей пробился сквозь лёд и подмочил на всём своём протяжении в низине весь снег. Он осел. Местами образовались тёмные свинцовые пятна. Огромные сугробы снега сползали с солнцепёков. Из-под них выбивались змейками ручейки. Они, бойко прокладывая себе дорогу, устремлялись к ручью. Ручей полнел, напирал на снег, лежавший ещё по всей долине. И вдруг в один из тёплых солнечных дней, прорвав все преграды, бурно и смело помчался ручей вниз...

Вечером объягчилась самая крупная матка. Ягненок походил на отца.

— Вылитый! — принял на руки мокрого ещё ягнёнка Санаш: — А ноги... Ноги длинные!

Санаш задрожал от радости и бросился со своей ношей в изолятор. А матка через несколько минут породовала его ещё одним ягнёнком.

Ягнята, родившиеся в первые дни окота, быстро окрепли и резво бегали по широкой ограде изолятора. В колхозе самые заядлые скептики благословляли тот день, когда Санаш и Майя настояли на покупке новых баранов.

И вдруг...

Произошло это в один из самых любимых Санашем часов, когда он, напоив в ручье маток и задав им душистого сена, смотрел, как играют ягнята. Он вспомнил про своего сочинского друга, грозившего ему издали длинным худым пальцем.

«Хм, — улыбнулся Санаш. — Вот теперь бы нам с тобой поговорить, Макар Калининнович». Санаш пожалел, что не имеет его адреса. Он стоял и с восхищением смотрел на резвых ягнят. Ему показалось, будто один как-то невесело отдалился от матери и всё норовит лечь. «Что с ним? Не обкормила ль?» — вспыхнула тревожная мысль.

Санаш быстро нагнулся, пролез между жердей и подошёл к ягнёнку. Тот вскочил и бросился к матке, но через минуту уже снова подгибал ножки.

...К ночи пало два ягнёнка, а к утру следующего дня заболели почти все матки, находящиеся в изоляторе. Весь новорождённый молодняк погиб в три дня. Это был удар, которого не мог перенести старый чабан. Он слёг.

Весть о гибели ягнят облетела все стоянки, все близлежащие колхозы.

Майя сбилась с ног. Мурат был потрясён случившимся, но бодрость духа не потерял.

— Надо выяснить причину падежа, — сказал он, с подозрением осматривая отару. — Я немедленно еду в аймак.

Майя с благодарностью посмотрела на него.

— Я напишу записку, Мурат... Укажу хоть примерно, как протекает болезнь, чтобы ориентировать их лучше.

— Хорошо, пиши.

— А ты кормил коня, Мурат? — спросила Майя.

— Выдюжит сорок километров.

— Нет, ты можешь испортить его. Я сейчас принесу овса...

Она ласково взглянула на Мурата и побежала в дом. Мурат обнял голову коня, трепля его гриву, горячо шептал:

— Ты слышал? Слышал, что она сказала? Разве другая сказала бы так? Ты ничего, ничего не знаешь.

Два дня работала врачебная комиссия, вскрывая трупы, исследуя место падежа.

Помог случай. Мурат поехал в райцентр. Он вёз

с собой пробу для анализа в лабораторию. На обратном пути, перебредая ручей километром выше стоянки Ялатовых, конь Мурата неожиданно провалился и выскочил на берег, дёргая как-то странно ногой. На копыте его оказался череп какого-то животного. Мурат помог коню освободиться от него. О случившемся рассказал врачу. Тот осмотрел ногу, перевязал её и попросил подробнее рассказать, где произошёл этот случай.

— Вот вам из лаборатории! — Мурат достал запечатанный конверт, а сам повёл коня к коновязи.

Быстро вскрыв конверт и пробежав глазами написанное, врач беспокойно посмотрел на своего помощника, студента-практиканта.

— Что-нибудь серьёзное?

— Очень... Майя! Майя, подите сюда! — махнул врач рукой девушке, только что вышедшей из дому.

— Помогите побыстрее изолировать остальную всю отару из загонки, где происходил падёж.

Быстро управившись с овцами, облив всё вокруг хлорной известью, врач взял Майю под руку.

— Овцы были заражены очень страшной болезнью... Я удивляюсь, как ещё не погибли все, — сказал он тихо. — Пойдёмте с нами, Мурат! — крикнул он. — Покажите то место, где жеребец вытащил череп...

Верховье ручья тщательно обследовали. Срыли лопатами небольшой бугор, который размывал в эту весну ручей. Нашли кости животных.

— Здесь когда-то было скотское кладбище. Его размыл ручей, — сказал врач. — А кто может поручиться что тут не закопали животных, павших от эпидемических болезней?

— Надо немедленно отвести ручей в сторону! — сказал Мурат и тут же приступил к работе.

Воду от опасного холма отвели в тот же день.

Узнав о причине падежа, Санаш долго лежал молча, закрыв глаза и стиснув зубы.

— Не верьте стариковской мудрости, — сказал он, приподнявшись на локте и тряся бородой. Лицо его стало жёлтым, шея длинной, худой. — Ненадёжная у них память. Могут себе вреда наделать...

— Успокойтесь, отец, — сказала Майя. — Меры приняты.

— Знал ведь я про кладбище-то... Верно, давно это было. Жили мы тогда в урочище Каяча. Год такой выпал — почти весь скот подох... Поветрие. Хоронил каждый по себе... Вот тут на речке было кладбище, да мне и в ум не пало, что от него вред может приключиться.

— Ручей навредил... Теперь надо быть бдительными, — сказал Мурат, глядя на Майю. Она кивнула ему головой.

...Вечером приехал секретарь райкома товарищ Багиров. Майя провела его к отцу. Санаш долго смотрел на секретаря, потом отвёл глаза и на щёку его, морщинистую, дряблую, скатилась слеза. Багиров нагнулся над ним и тепло, с чувством пожал ему руку.

— Не волнуйся, Санаш Ялатович... Дело поправимое.

Старик покачал головой.

— Я виноват, товарищ Багиров... Но вы должны знать, товарищ Багиров... Майя! Достань... Вы должны знать. Вот моя дорога! — он прижал к груди бумаги, которые подала ему Майя. — На, товарищ Багиров, смотри... Мог ли я желать плохое своему колхозу?

Это были его почётные грамоты.

— Выздоровливай. Поднимайся, — успокоил его Багиров. — Мы не дадим потухнуть такому прекрасному начинанию.

За все дни своей болезни Санаш впервые посмотрел прямо в глаза собеседнику. Он почувствовал себя облегчённым. Свалилась тяжёлая гора с сердца.

— Спасибо, товарищ Багиров!

9

Никогда раньше не гонял Барлай в эту сторону овец. Склон был высок и крут, местами выходил наружу лёд.

Опасность велика, зато на южной стороне много прошлогодней травы. И ветра здесь не было. Но не то привлекло сюда Барлая. Со склона хорошо были видны соседние зимовки. Вон, кажется, в седле Толуш Сосонов. Левее его в ущелье ходит отара Карыпова. А ещё немного левее, за одиноко торчащим над Шаргайтой

кедром, видны... Что это блестит на солнце? Крыша новая что ли?..

Нечего обманывать себя, Барлай! Здесь тебя никто не видит, кроме твоих овец. Ты отлично знаешь, что там поблёскивает. Это — зимовка Санаша...

Вот уже неделю не выезжает Санаш из дому. Около его кошары с утра — верховые. Вот даже в кошеве на паре приехал кто-то. Наверное, из райцентра кто-нибудь из аймачного начальства.

Вчера Мурат, сердито взглянув на отца, буркнул матери:

— Слёг Санаш... Пропадают ягнята...

Нет, говорить о личной беде Санаша не следовало бы таким тоном Мурату. Он ожидал увидеть злорадство в глазах отца? Как ты ещё молод, Мурат! Откуда у тебя столько соли на языке?

...Барлай целый день не выпускал из вида зимовку Санаша. Он провожал и встречал приезжающих. Вчера Барлай поскользнулся на льду и зашиб себе ногу. Если б не эта больная нога, можно было бы и съездить. Кто знает, не окажутся ли его слова приветов сильнее всяких лекарств?

Но Барлай откладывал поездку. А дни шли. Наступил май. Пышная, сочная зелень стала заполнять долину. Однажды ясным погожим утром он увидел со своего склона Санаша. С небольшой отарой медленно приближался он к одинокому кедру над Шаргайтой.

Барлай рванул своего Каурого и тот вынес его на большой камень. Он готов был броситься прямо со склона навстречу старому товарищу, но тут же сдержал своё горячее желание. Он тихо сказал коню:

— С каким словом мы сойдём ему навстречу? Он и без нас поднялся на ноги.

Барлай перегнал отару на противоположный склон. А вечером, когда спустился в долину, Санаша уже не было.

В конце мая Мурат как-то приехал домой с ярким венком на голове. Он соскочил с коня и бросил на ходу матери:

— Еду в гости. У Ялатовых радость. Весь колхоз едет к ним!

— Расскажи — знать будем, — спокойно сказала Мерей. — Что это у них за радость?

— Начался окот остальных маток. Проходит хорошо.

— Эка новость... Разве отец твой не заканчивал его каждую весну благополучно? — сказала Мерей.

— Молчи! — оборвал жену Барлай. Он всё слышал. И радость Мурата передалась ему.

— Тебе, отец, велели сказать, чтоб ехал тоже.

— Кто велел? — не скрывая волнения, спросил старик.

— Сам. Он сказал: «Передай отцу, хочу, чтоб эта радость была и его радостью. Знаю, никогда не был он мне врагом, чтобы дать плохому чувству совсем обратять себя».

— Он так сказал? — воскликнул Барлай, но тут же, сдержав порыв радости, заметил с укором: — Мог бы, кажется, не переказывать с другими...

— Он же слаб ещё... Еле в седле держится.

Барлай посмотрел на сына, поверил.

11

Барлай, как и другие гости, был поражён красотой новой отары. Ягнята, сверкая на солнце чуть курчавившейся серебристой шерстью, легко и свободно прыгали с камня на камень, взбирались на склоны. Они были сильны и резвы.

Сам Барлай почувствовал, как сжалось его сердце от радости, и как молча пожал он другу руку.

Именно о таких овцах думал он прошлый год, когда смотрел на привезённых баранов. Овца передала потомству сильные ноги, порода барана передалась в богатой шерсти.

Санаша поздравляли, хотя все знали, что многое было бы ему недоступно без Майи... Но разве удобно поздравлять девчонку прежде отца? Старики трясли руки Санаша, хлопали по плечу. Вскружилась от похвал голова у старика.

— Вот здесь, в этой кошаре, — сказал он, — родился завтрашний день колхоза.

Все согласились с ним.

— Как назвать таких овец? Слов не подберёшь! — говорили гости, восхищаясь приплодом.

— По месту назовём, — сказала Майя, счастливо и весело улыбающаяся.

— Шаргайтинские?

— Да, Шаргайтинские. Я уж и записала так, — кивнула Майя. Гости согласились с ней. Потом Санаш и Майя попросили гостей в дом. Майя прошла в садик и, бросившись на скамью, расплакалась.

— Майя! — слышалось из кустов черёмухи. Молодой парень с взволнованным смуглым лицом вышел к ней. Не отрывая рук от лица, Майя отстранилась.

— Это я так, Мурат... Не подумай! Я просто очень-очень счастлива, Мурат!

— Ты молодец, Майя... Разреши мне... Я хотел...

— Говори.

— Я давно хотел сказать тебе, Майя... — Он несмело положил свою руку на её плечо.

— Говори, Мурат. Я сегодня не буду сердиться, даже... Даже, если скажешь опять, что по моей вине занятия срываются... по зоотехнии... Там, на твоей ферме...

Она засмеялась, вскочила, сорвала большой цветок марьяны коренья и вдела в петлицу его пиджака.

— После, Мурат... Ладно? Не сердись. Там гости. Пошли.

12

За столом царило непринуждённое веселье. Но вот захмелевший Санаш, пуская в новый круг пиалу с аракой, сказал, что его шаргайтинки покорят сердце всех чабанов Алтая. Это было не совсем скромно для старого чабана, но кто же против этого? Вместе с шаргайтинками пошла бы добрая слава и о колхозе, где они были получены. Это ничего. Это хорошо. Но Санаш пошёл дальше. Он гордо добавил:

— Если бы все так постарались... Ого!

Он стоял и помахивал пиалой... Мурат взглянул на Майю и улыбнулся, подмигнув на старика.

— Отец! — шепнула Майя. — Ведь у нас гости, отец...

— Вот я и говорю гостям, дочка... Пусть каждый постареется! — он топнул ногой.

Захмелевшие гости кивали головой, не обращая особого внимания на Санаша. Но Майя видела, как потупил голову, нахмурясь, Барлай, как дрогнул его чёрный ус.

Санаш увидел тоже это. «Эх, зря я так, — упрекнул он себя. — Обижу Барлая, сам не прощу себе после». Но он не мог уже сдержаться.

— Покажите мне такого человека, — продолжал он, — покажите, и я пойду и подам ему руку. И скажу: «Ты мне друг».

— Отец, одумайся, что ты говоришь, отец! — прошептала, оглядывая гостей, Майя.

Барлай встал и быстро стал собираться.

— Ты куда? — остановил его Санаш, виновато моргая отяжелевшими веками. — Куда, Барлай?

— Спасибо за... угощение! — сказал тот тихо и вышел вон. Санаш посмотрел на гостей и понял, какую оплошность допустил он. Жгучий стыд за своё бахвальство охватил его. Он что-то пробормотал и бросился вслед за Барлаем.

— Ничего особенного, товарищи, — сказал, поднявшись, Мурат. — Санаш никогда не пьёт... А отец у меня, сами знаете, какой самолюбивый. Помиряйтесь!

Со двора долетел голос Санаша.

— Барлай! Эй, Барлай! Обидишь на всю жизнь!

Но ответом на его слова был drobный топот копыт. Барлай уже скакал по тропе. Он даже не оглянулся на зов. Сердце его горело от обиды. Разве он разучился работать после того, как вывел Санаш новых овец? Разве он бросил на произвол судьбы свою отару? Ведь совсем недавно говорили о нём на правлении. Говорили и Ешев и Майя... Почему сейчас все промолчали?

Он вспомнил лица гостей. Вот Кудурлай с белёсыми, как у Санаша, бровями. Он зажмурил глаза и тянет из пиалы чай. Хитрый Кудурлай. Попробуй, разгадай его! Конечно, он и делает вид, что не замечает хвастовства Санаша...

Недели две дымились горы, окутывая землю пухлым снегом. Потом ударил мороз. Снег осел и покрылся кристальной корочкой. Огромные сугробы свисали над тропами. Трещали по утрам мелкие деревца, придавленные его тяжестью. Морозными ночами оглушительно ломались вековые кедры и лиственницы — это замёрзшая вода в щели разрывала стволы, сваливая с веток белые папахи снега.

Как-то вечером на зимовку Барлая забрели охотники. Они шли издалека.

— Столько снегу в десять лет раз бывает, — сказали они, согреваясь душистым вкусным чаем.

— Из-за него волки в степь подались... Идут стаями по ущельям... На малые урочища и зимовки нападают...

— Почему на степь? — не понял Барлай, обеспокоенный разговором.

— Тяжело по глубокому снегу промышлять...

— Небось не дойдут до нас... Минуют, — сказал Барлай, поглядывая на старый дробовик, висевший над большой деревянной кроватью. «Перезарядить бы не мешало, — подумал он. — Года два, небось, со старым зарядом висит».

— Дойдут, — уверенно сказал невысокий мужик, напившись чаю и выбивая трубку. — Сюда идут, поближе к тракту.

— Тогда гостите! — воскликнул старик. — Разве к чести охотника уходить от зверя?

Гости переглянулись, и каждый из них открыл свой патронташ.

— Видишь, пустой. Всего по одному патрону, а итти ещё далеко.

Рано утром покинули зимовку.

Весь день находился Барлай в тревоге. Покрутился немного с отарой у горы Кырлык и вернулся задолго до захода солнца.

— Давай сена, — коротко бросил он жене и смутился, увидев сына. — Обледенела гора... Гложут лёд с травой. Простынут.

Мурат понял и, не вытерпев, заметил:

— Да, чего доброго, кашлять станут.

— Несчастья не хочу на свою голову.

— Вот и я говорю, — спокойно сказал Мурат.

Барлай исподлобья взглянул на сына.

— А ты уж за своим... преподавателем собрался?

На дворе звучно заржал конь.

— Зовёт, — улыбнулся Мурат и снял с гвоздя кирзовую сумку. — Вызывают в контору о ферме отчитываться. Если будет время, конечно, прихвачу и преподавателя. По пути. Вернусь, наверное, ночью.

— Смотри, — встревожился старик, — может, утром?

— Ничего. Ты смотри, в нашу дверь как сквозит. Не мешало б волчью шкуру прибить ещё...

— А может... Слышишь? Ведь были случаи... Одни сапоги с ногами находили...

— Вижу, отец: старость не только сединой пробивается в человеке... а и...

— Не храбрись, — рассердился Барлай. — Не попадал ещё...

Мурат уехал. Барлай вышел, обошёл всю зимовку. Левее кошары увидел глубокий размашистый след. Он наискось пересекал косогор, чуть-чуть отворачивая в сторону от стойбища. В месте крутого поворота была неглубокая вмятина. Видно, здесь опахнуло его овечьим запахом и теплотой. Откачнулся волк от пьянящей вкусной теплоты, сделал прыжок в сторону, но тут же задохнулся и уселся на снегу, посидел, выминая сумёт, и бросился в соседние кусты.

— Старый, — хрипло проговорил Барлай, тревожно осматривая клочья серой скатавшейся шерсти, оставленной на снегу. — Худой, поздно линяет...

Синие тени прятались в провалах следа.

«Разведчик!» — мелькнула догадка. Барлай остановился. Он почувствовал, как сразу взмокли спина и лоб. Он бросился во двор и стал торопливо запрягать Каурого в волокушу.

Через час вокруг зимовки высились кучи сушняка. Барлай обтянул вокруг кошары верёвку, закрепил на ней несколько разноцветных лоскутьев. Они тряслись, как осиновые листья.

Наступила ночь. На зимовке Барлая вспыхнуло разом четыре костра. Огромными языками пламя высоко поднималось к небу.

Вокруг стояла тишина. Изредка трещали деревья. Висела над долиной круглая луна, окружённая розовой опояской.

В полночь со стороны Санашевой зимовки раздались крики, прозвучал одинокий выстрел, слышались удары железа о железо. «В заслонку бьют», — понял Барлай, вслушиваясь. Потом подошёл к самому большому костру, ткнул палкой в золотые соты углей и рой красноватых пчёл взвился в небо. В ту же минуту вспыхнул костёр и у Санаша.

Барлай увидел около стойбища друга четыре точки. Они то сходились, то расходились. Это были, конечно, волки. Барлай насчитал тридцать точек и спутался. В моменты, когда тени покрывали Санашев костёр, точки продвигались к кошарам. Тогда снова раздавался звон железа. Сверкая искрами, летели головни. Изредка раздавался глухой выстрел. Видно, берёт заряды Санаш на крайний, на последний случай.

«А что, если зверь подберётся к тем... к породистым?» — подумал Барлай. На один миг встало перед ним лицо Санаша. Оно было растерянным. Барлай почувствовал от этого какую-то липкую теплоту на сердце. Оно, это чувство, коснулось сердца Барлая, но не согрело его. Впервые за всё время размолвки с Санашем понял Барлай: нет сейчас для колхоза ничего дороже этих овец. «Золотой фонд», — вспомнил он, как прозвал шаргайтинок народ.

От волнения или от страха зашуровал Барлай длинным шестом в кострах, вызывая огромный рой искр. Потом отошёл от них и посмотрел вниз к Шаргайте. Там над речкой стоял одинокий могучий кедр. Он распростёр свои сильные руки-сучья над рекой, будто собирался перескочить её.

Барлаю пришла в голову смелая мысль. Она была настолько смелой, что даже дух от неё захватило. Подбежав к лестнице, что стояла, прислонённая к стене дома, Барлай быстро взобрался на неё и ещё раз посмотрел на одиноко стоящий внизу кедр.

— Так, — прошептал он. — Так...

Он подбежал к коню. Каурый, вытянув между жердей голову и раздувая трепетные ноздри, тревожно поводил ушами. Дончак чувствовал опасность. В его глазах сверкали, искрясь, костры.

Увидев своего любимца, Барлай ахнул и опустился на изгородь.

— Нет, не смогу, — прошептал он. — Как хочешь, Санаш...

Он поднялся и, тяжело ступая, пошёл было к кострам. Но мысль эта сковала его. Какой маленькой казалась теперь ему собственная опасность. Барлай прошёл несколько шагов и остановился.

«Поторопись, Барлай, — подгоняла мысль, — не мешкай... Смотри — у него уже и костёр тухнет, а эти чёрные точки всё ближе к его кошарам... Однако, не очень ты крепок оказался на поверку, Барлай... Не очень!»

Старик снял шапку и рукавом шубы обтёр лоб. Он огляделся. Что может оправдать его?

«Как же ты свою отару? Бросишь на старую Мерей, которая не слазит с кровати? Нет, ты не имеешь права бросить на произвол судьбы четыреста овец», — прорезалась ещё одна мысль. Но она была, словно ночная птица, которая неожиданно откуда-то мелькнёт у глаз крылом и пропадёт тут же, растаяв в темноте. Не мог удержать её Барлай. Другая мысль отодвинула её.

«Неправда, — думалось. — Разве не в безопасности твоя зимовка? У него, у Санаша, уже потух костёр и нет времени, чтобы разжечь новый... А может и поджигать-то нечем... С дочерью своей встал Санаш в эту минуту у кошары, у тех, у серебристых... Они защищают колхозное богатство. Богатство Санаша, Майи, Мурата, твоё богатство, Барлай! И не уйдут они, пока руки будут в состоянии держать топор!»

— Теперь всё, — прошептал Барлай.

И вдруг он вскрикнул от неожиданности: чуть левее санашевой кошары, на косогоре, где ещё минуту назад стоял их новенький пятистенный дом — радость и гордость Санаша — пылал огромный костёр.

— Дом! — вскричал Барлай и не узнал своего голоса, таким он стал хриплым. И показалось Барлаю, что стоит он на виду у всех, и горы смотрят на него, и люди

из ближних урочищ показывают на него пальцами. «Вот он... Барлай Ачубаев, с которым Санаш всю жизнь провёл в одной долине... Этот Барлай мог бы... мог...»

А за домом-костром стоит Санаш с топором в руках и ждёт, когда бросятся на него звери...

Выпрямился вдруг Барлай и крикнул что было мочи: — Эге-ге-ей! Сана-аш! Эге-ге-ей! Держись!

Выскочила старуха Мерей из дому, смотрит — бежит Барлай у костра и орёт в долину. Испугалась: «Неужели снова злой дух?»

А Барлай мимо неё — к коню.

14

Увидели на Санашевой зимовке: мчится всадник прямо на волчью цепь.

— Это Мурат! — вскричала Майя. — Он решил прорваться в село! Мурат! Мурат!

— Нет, это сам... Барлай! — тихо сказал Санаш. — Он сам.

— Смотри, смотри! Он свернул в долину! — закричала девушка. — Его разорвут на первом же километре!

Барлай тем временем подскакал к стае волков. Он хлопнул бичом, точно из ружья выстрелил. Ближние звери, щелкая зубами, неохотно отползли в сторону и забили хвостами по снегу, вытянувшись и пригнув головы к лапам.

Каурый взвился на дыбы, опустился и ударил одного волка копытом. Зверь замертво отлетел в сторону. На убитого тотчас налетела стая и, свирепо рыча, огрызаясь, в одно мгновение разорвала его.

Санаш выхватил огромную головню и с криком бросился на стаю.

— Назад! — закричал на него всадник, носившийся в отсветах костра. — Назад! Не бросайте ягнят!

— Барлай! — радостно воскликнул Санаш. — Барлай! Друг!

Но тот махнул рукой и круто повернул коня к Шаргайте.

Поднялась, запылила снежная пороша из-под ног Каурого. Распластался на ветру хвост его, дразня волков. Один за другим срывались с места звери, устремившись сначала настороженно, потом смелее и смелее вслед завидной добыче. Вот уж и вся стая мчалась за ним. Санашу прижгло руки. Он выронил головню и только тогда почувствовал слёзы на своём лице.

— Отец, отец! — дёргала за рукав Майя, держа в поводу своего коня. — Он может погибнуть, отец!.. Зачем он решился на такое?

— Барлай, — шептал Санаш. — Друг... Это может только друг, Майя... Настоящий... Я знаю, он сейчас отдаст своего любимого коня... Гляди! Гляди!

Барлай подскочил к одинокому кедру, у подножья которого бежала незамерзающая Шаргайта. Он поднял свечкой коня, вскочил на седло и ухватился за ближний сук... На него упал огромный ком снега.

— Ой, — воскликнула Майя, застыв на месте.

Изогнувшись молнией, грянул с берега Каурый.

Санаш закрыл глаза ладонью.

— Отец! Я прорвусь в село!.. Отец! — дёргала его за рукав Майя.

— Езжай, езжай дочь, — сказал Санаш и снова закрыл глаза. А когда открыл их — никого не было видно. Точно крыло какой-то стремительной птицы, мелькнула на повороте длинная шаль Майи и тоже скрылась.

В долине, у догорающего дома остался один Санаш. Он тихо пошёл к кошарам, откуда доносились крики ягнят. Перепуганные овцы сгрудились в кучу.

...Часа через два к старому кедру примчался отряд верховых. Около взмыленной лошади Майи рвал удила горячий конь Мурата.

— Он здесь, Мурат, — сказала Майя, подбегая к кедру. За ней бросились остальные.

Барлая сняли двое верховых. Он только немного ознобил руки.

За Шаргайтой нашли седло и наборную уздечку.

К Барлаю подошёл Багиров.

— От имени всего народа, — сказал секретарь и при всех низко ему поклонился. — От имени животных всего аймака Барлай Ачубаевич...

...Утром мы спустились с горы Кырлык. Перед нами открылась прекрасная Шаргайтинская долина. Удивила трава: местами она была так густа, что трудно было идти.

— Хорошая трава, — наклонился Никитин и сорвал в горсть пучок её. — Да это же клевер! — воскликнул вдруг он поражённый.

— Да. Подсевают вот уже третий год, — сказал Маныкы. Новая порода, новая забота.

Мы шли по долине. Спустились к кедру и остановились. Внизу бурлила Шаргайта. Вдали блеснул крышей большой дом.

— Неужели Санаш успел новый выстроить, — удивились мы.

— Он не один строился. Ведь теперь там две семьи живут: Ялатовы и Ачубаевы... Отстроились быстро. Колхоз помог.

МАРИНКА

1

В первый раз за всё время, как узнала Маринка Костю, осмелилась она сегодня зайти в кузницу. Подошла к порогу, заглянула в дверь и тихо поздоровалась: — Здравствуйте, дядя Васенья...

Кузнец Васенья, широкоплечий старик, с длинными волосатыми руками и лицом, навечно запорошенным несмываемой угольной пылью, сердито вскинул изломленными кверху бровями и ничего не ответил. Он, казалось, ещё пуще зашуровал длинными щипцами в раскалённых углях. Это не смутило Маринку. Суровый нрав Васени знало всё село. Девушка прошла в помещение и сказала громче:

— Крючки требуются для дверей... На ферму...

Старик опять промолчал, стал быстро раздувать горн. Маринка улыбнулась, оглядываясь вокруг. Ей собственно и не нужны были эти крючки. Просто она решила посмотреть кузницу, в которой работал Костя. «Вот, наверное, наковальня его, — быстро отметила Маринка. — Тут он стоял... Свободный горн ждёт хозяина...»

В это время дед выхватил щипцами раскалённую железку и, положив её на наковальню, хмуро осмотрелся по сторонам, ища что-то. Остановив взгляд в углу, он вдруг сурово сказал:

— Ну, чего стоишь? Неси вон молот... Так... Теперь бей!

Маринка взмахнула и ударила по железу. Дед пристукнул указательным молоточком. Искры посыпались к ногам Маринки. Она вскрикнула.

— Не бойся, бей ещё! — сказал Васенья, перевёртывая железку. Девушка ударила ещё, а старик поторапливал:

— Давай, давай!

И когда Маринка совсем вспотела, дед скомандовал:

— Теперь будя... Ну, как?

— А... ни-чего, — едва проговорила девушка. — Ничего...

— Вижу, — ухмыльнулся в усы старик и, сунув снова в красные угли железо, стал качать мех. Потом обернулся, смерил Маринку всё ещё неласковым взглядом, спросил:

— Ты по каким делам-то?

— Да я почти что так, дедушка, — рассердилась Маринка.

— Как это — «так»? Не на свиданку же ко мне?

Девушка засмеялась.

— Для этого моложе есть...

— Постой, — оживился вдруг Васенья, — ты не Маринка будешь?

Он спросил так серьёзно, будто и в самом деле не знал её, а лишь внезапно догадался.

— Она самая, — в тон старику ответила Маринка.

— Тогда знаю.

— Как знаете-то? По отцу, по матери?

— Не финти... По Косте знаю...

Маринка посмотрела на пол и коснулась ладонью одной щеки, потом другой: горячие какие!

— Чего скраснела-то? Ай не так? Каждое утро вылетал парень из кузни в ту пору, как ты мимо вышагивала.

— Ну уж, была ему нужда...

— А глаза пошто прячешь? Меня не проведёшь. Да что же... я вовсе не супротивник тому, — старик подобрел. — Мне-то что? Только нету моего помощника. Взяли! Обучай, значит, Васеня, себе нового подручного. А где у меня лишние годы? Это понимают они? Я уж десять лет как из годов вышел. Положу вот молоток, потушу горн и скажу: «До свиданья, дорогие товарищи!» И никто не остановит — по закону, семьдесят два года стукнуло...

Маринка знала: зря это он. Жалко ему Костю, а пока руки молот держат — никуда не уйдёт он из кузницы. Она засобиралась уходить.

— Обиделась, может? — спросил старик.

— Да ну...

— Горько мне стало. А сказать всё некому было... Забегай, проводывай старика. Если по хозяйству что надо будет — заказывай, сделаю. Крючки тебе что ль? К дверям? Дело плёвое. Заходи завтра.

— Спасибо, зайду.

Старик постоял молча и вдруг, указав пальцем на вторую наковальню, сказал:

— Его. На ней работал. Понятливый был... Способный помощник. Такого уж не выучишь, поди...

Маринка, взволнованная, спустилась к Быстрынке. На том берегу белел телятник. Девушка села на камень и, глядя в воды горной речушки, вспомнила то, что началось этой весной.

* * *

...Иной раз, ещё совсем рано, Маринка уже бежит на ферму. И всё равно, в какую бы она рань ни поднялась, Костя всегда первым замечал её. Она проходила через колхозный двор. Костя показывался на пороге кузницы и чумазый, улыбающийся, вытирая руки о холщёвый чёрный передник, кричал ей, осторожно вскидывая тёмным чубом:

— Куда это вы, Марина Петровна, в такую рань бежите? Ведь ещё, пожалуй, и черти на кулачки не бились? Между прочим, здравствуйте!

И она, вот всего только на минутку убавляла шаг,

собиралась сказать ему что-нибудь резкое за это «между прочим», но почему-то терялась, потом сердилась на себя и выкрикивала неприветливо:

— Ты, не иначе, с ними, с чертями-то, сам дерёшься...

— Почему?

— А поглядишь в зеркало — увидишь...

— Неужели грязный? — озорно и весело кричал Костя, оглядывая спецодежду и разводя руками.

— А то, поди, нет...

— Вот, понимаешь, положеньице... И впрямь не того. Ай-ай-яй! Извините, пожалуйста, Марина Петровна. В следующий раз мы... вот...

Но она уже слышала только обрывки слов, завернув за кузницу и быстро сбегая к Быстрянке.

И так почти каждый раз. А как-то весенним утром, она только что свернула к реке, сразу заметила: кузница на замке, убавила шаг, пошла спокойней. На берегу остановилась. У ног ревел неугомонный поток: Быстрянка замерзала только в январе и то на несколько дней. Потом снова, окутываясь густыми туманами, взламывала тонкий лёд или просачивалась кверху наледью и мчалась, дробясь студёными брызгами меж каменистых торосов. Камни обрастали изумрудным веером из тонкого ледка. Они горели в лучах солнца, как сказочные самоцветы.

Красиво! Никогда раньше не замечала этой красоты. Маринка вздохнула, посмотрела окрест и замерла от восторга: над широкой прибрежной долиной, что раскинулась перед ней до самых гор, переливалась серебряными блёстками лёгкая изморозь; рдели в лучах солнца каждой своей почкой молодые саженцы тополей и клёнов, уходившие правильными рядами далеко в степь. А ещё чуть подальше, за Быстрянкой, разбежался навстречу солнцу широкий тракт, а в проводах над ним будто бродил кто-то невидимый: они покачивались и гудели призывно и молодо, вызывая неясную тревогу-мечту.

— Ой, — сказала тихо-тихо, почти прошептала Маринка, — как же хорошо у нас! — Одной рукой она взялась за куст краснотала, засмеялась чему-то, встряхнула его, чтобы сбить иней. Но иней не опадал...

— Да он же в цвету! — удивилась Маринка, дотрагиваясь осторожно до пушистых нежных почек. И было ей очень весело и приятно от этой всепобеждающей силы становления, которую разглядела она, может быть, только тогда в почке краснотала.

Костя поравнялся с ней в тот миг, идя в кузницу. Подошёл, остановился, хотел что-то бросить шутливое, как всегда, и вдруг оробел. Стоит, смотрит на неё, на краснотал, а в глазах... Даже и не поймёшь — что в его глазах, только что-то такое же весеннее.

— Долго же спите, — усмехнулась Маринка.

— Меня в контору требовали, — серьёзно сказал Костя, не сводя с неё больших серых глаз.

— Ну, чего уставился — пойду я...

Она отстранила его с тропы и пошла, не оглядываясь, на ферму. Но взгляд его чувствовала на себе до самого поворота. А кругом было столько солнца!

Через несколько дней, когда у Быстрынки стало грязно, обнаружила Маринка шлаковую дорожку. То ли дед Васенья насыпал, чтоб на речку ходить руки помыть, то ли ещё кто, но не бывало этого раньше...

А вот совсем недавно, вечером, в клубе, когда девушки, закончив спевку, сошли со сцены в зал, Костя неожиданно вырос перед Маринкой. Сразу и не узнала его. Что-то опять промелькнуло и затаилось в глубине серых глаз? Не то настороженность, не то просто любопытство... Так и не разглядела. Заметила другое: Костя был в новом светлосером костюме и в вышитой рубахе.

— Не выгоните, — спросил он, — если приходить буду и слушать?

— Пожалуйста, клуб большой, для всех хватит...

— И даже для меня, — рассмеялся Костя.

— Места не заказаны, — улыбнулась и Маринка, поправляя волосы.

Поговорили о чём-то. Так, о всяком... Ничего особенного не сказал Костя в тот вечер. А потом — по-прежнему с порога кузницы перекидывался шуточками. Каждое утро. А время шло...

И вот вчера узнала Маринка, что уехал он на курсы машинистов самоходных косилок. А сколько курсы протянутся — неизвестно. Девушки сказывали, что видели молодого кузнеца на ферме. Около её, маринки-

ной загонки постоял. Ни с кем, однако, не поговорил и ушёл обратной дорогой. У Быстрянки, рассказывают, Стешу Рябцеву встретил. Говорил с ней о чём-то. Может, как с секретарём комсомольской организации разговаривал, может, по личному делу — неизвестно.

И поманило Маринку в кузницу...

2

Вот уже прошумели и весенние потоки; на горах и в долинах отцвела медунка.

Колхоз заканчивал сев и стал готовиться к сенокосу. Самоходную косилку ждали в колхоз. Выходит, конец скоро курсам. Нет-нет и поймают себя Маринка на том, что всматривается на тракт. Идут машины, идут, много машин, а таких, чтоб как косилка, — нет.

Приступили к заготовке витаминного сена. И Маринке захотелось сделать всё как-то по-иному, как-то по-необычайному быстро и хорошо. Можно было бы, конечно, без усталости косою махать — это привычное дело; можно и так, чтобы сено было самым душистым, самым зелёным и вкусным. Умеет это по-своему делать Маринка. Но ведь это ж простые, будничные дела! А хотелось какого-то подвига!..

Однажды, когда особенно красиво плескался июньский закат в красноватых волнах Быстрянки и девушки сидели на берегу, опустив загорелые ноги в воду, Маринка так и сказала, что хочется ей сделать что-то такое сильное-сильное, чего ещё не делала. «Вот точно пламя какое-то горит во мне, — отчего это, девочки?»

Феня Жданова, полная, белокурая, с ямочками на щеках, поправила на голове полушалок, посмотрела в маленькое круглое зеркальце и вздохнула глубоко.

— Я знаю, Маринка, отчего это...

— Отчего?

— От любви это...

Феня сказала так уверенно, что девушки засмеялись и с любопытством посмотрели на Маринку. Та сначала немного смешалась, потом рассмеялась вместе со всеми:

— И скажешь ты, Феня...

Но что-то горячее обожгло её. Может, правильно сказала Феня? И надо поблагодарить её за разгадку?

Ой нет! Маринка не скажет этого... И потом... Может, ведь совсем, совсем другое что-нибудь...

* * *

Уложила Маринка телят и давала наказ сторожу Лукьянычу, высокому, худому старику с длинной жилистой шеей, седой острой бородёнкой, браво закрученными усами и на редкость живыми и весёлыми глазами. Старик ходил на пятках, не сгибая коленей, ухватив левой рукой ремень переброшенного за плечи дробовика двенадцатого калибра. Дробовик был, вероятно, ровесник своему хозяину. Мученье Маринке с Лукьянычем. Она всерьёз, а он всё в шутку.

— Ты, Лукьяныч, смотри.

— Го! — повернулся тот на одной ноге, снимая ружьё.

— Опять! — сокрушённо покачала головой она.

Старик рассердился.

— Ну, что ты, что, неугомонная головушка?

— Чтобы, значит, если даже собака какая — гони от загородки... А то твякнет, перепугает...

— Ты вот что, девка: который раз ты мне инструктаж ладить будешь? Знаю все ваши минимы повдоль и поперёк... Будь в покое. Ты думаешь, Лукьяныч так себе, пешка с ружьём? Не-ет. Те времена канули. Я что же, телятам твоим посторонний? Ошибаешься! Тут не только собаке, тут самому комару некуда будет нос протолкнуть — порешу зараз со всего заряда!

Слушала Маринка старика и не понимала: верить или не верить ему?

Тут и подошла Стеша Рябцева. Стройная, с чёрными, обычно строгими глазами. Сейчас в них таилась ласковая хитринка. Она ещё утром сказала Маринке при встрече, что зайдёт.

— Слыхала я — на подвиг решилась ты, Маринка? — спросила Стеша.

Растерялась Маринка, покраснела. Не привыкла ничего скрывать от комсомольского секретаря, но и сказать-то, действительно, нечего было.

— Это девочки успели наговорить?

— Что тут зазорного, Маринка? Когда сердце подвиг просит — это очень хорошо. Только в такой момент о работе своей не надо забывать...

— Да ведь я это так, о подвиге-то... Понимаешь? Просто мне... весело. Очень весело работать! — воскликнула Маринка и вдруг вспомнила про разговор, будто виделась Стеша с Костей перед его отъездом. И очень ей захотелось узнать, о чём они тогда беседовали. Но как это сделать? Стеша посмотрела на неё внимательно, прищурилась и потом — или догадалась о чём подумала Маринка, или случайно вышло — спросила:

— А никто тут в твоих чувствах не замешан?

— То есть, как это? — смутилась Маринка.

Стеша засмеялась хорошо, тепло и сказала:

— Что же ты волнуешься? А в конце концов, это не так уж и плохо, Маринка! И пусть будет права Феня... Я могу подтвердить...

— Но честное слово, ничего нет! Ничего! — воскликнула Маринка. — То есть... Ну...

— Вот жалость какая!.. А он мне говорил, что... В общем, тебе же не интересно...

Маринку окатило жаром.

— Говори.

— Но ты даже не спрашиваешь, кто это — он-то!

— Знаю, — прошептала Маринка.

Стеша обняла её, откинула с груди косы и притянула к себе её лицо.

— Он сказал, что будет, во-первых, хорошо учиться, что к сенокосу курсы, конечно, кончатся... А ещё сказал... Ещё просил передать товарищу Марине Петровне Озерновой, чтоб не особенно стеснялась, и если разрушится шлаковая дорожка — шлак лежит в кузнице, как зайдёшь — налево, в углу... Бери хоть воз, хоть два. Васеня, дескать, не откажет.

— О-ой!.. — Маринка счастливо улыбнулась, закрыла глаза и обняла подругу. Так, обнявшись, и пошли они по берегу. Чистым, сильным голосом Маринка затянула песню. Стеша подтянула. И полетела песня над рекой:

...Снова замерло всё до рассвета,

Дверь не скрипнет, не вспыхнет огонь...

...Почти всю неделю девушки ждали комиссию. Дружно повторяли «минимум» по уходу за телятами. А Маринка пробовала даже «участвовать» в этой комиссии. Выйдет на поле к самой Быстрянке и медленным шагом важно подходит к загонке. Подойдёт к белёной изгороди, мазнёт пальцем, посмотрит и, обращаясь к воображаемой телятнице, прощупывая сверху телят колючим взглядом, начнёт спрашивать:

— Привес? Рацион? Режим? Ну, а если телёнок аппетита лишится, что станешь предпринимать, какие меры? То-то... Нет, — вздохнёт она, — решительно всё, кажется, у этой телятницы в порядке...

Для телятниц комиссия была и экзаменатором и жюри соревнования — проверять работу их будет очень основательно, а потом доложит о результатах проверки на правлении колхоза. А большинство девчат впервые работало на телятнике. И Маринка тоже. Вот почему не то, чтоб боялись девушки этой комиссии, но, действительно, поджидали с заметным волнением, тем более, что предстояла первая проверка после укрупнения колхоза.

Однажды выпустила Маринка телят на прогулку. Любят они этот час. Ждут с нетерпением. Только открыла калитку, как они вырвались и — во все стороны. А Маринка хлопает в ладоши и кричит:

— А ну, кто вперёд? Кто? Светленький, Светлый, не отставай!

Белолобый уже три раза обежал вокруг Маринки. Подскочит, взглянет, радостно мыкнет и снова, хвост дудкой, вдоль Быстрянки.

— А ну, Сверчок, ещё, ещё! — И телята её, здоровые, резвые, долго ещё бегают по полю, вызывая восхищение молодой телятницы.

Подружки смотрели на это иначе.

— Зря ты их приучила так выбрыкивать, Маринка, — говорили они, — ты посмотри на наших — гуляют, и не видно их. Шею не свернут. Без заботы.

— Не свернут — это верно. Но и толку от такой прогулки мало, — не сдавалась Маринка. — Не теля-

та, а тихони... Ленивый и ест лениво. А мои как набегаются — так только подкладывай им после...

— Небось и наши не сдадут в еде.

Спор вышел также из-за того, нужно ли выпускать телят в ненастные дни? Маринка открывала калитку несмотря ни на какой дождь или ветер...

— Кому же охота в такой ливень бегать, — говорили девушки. — Попростывают — хлебнёшь с ними горя...

— Наоборот. Надо закалять их, вы почитайте вон в книжке, — упорствовала Маринка, и если телята жались и не шли на дождь, она с ними сама бегала, гоняясь за каждым с прутиком.

Хорошо после этого пили телята тёплый «чай» — душистый витаминный отвар. А ещё лучше отдыхали.

В один из таких дней и заявила комиссия. Маринка была у загончика. Ревниво оглядела она всё своё небольшое хозяйство. И вдруг обнаружила: местами на городьбе извесь осыпалась, около загончика нужно было свежего песочка добавить... Охнула и — за ведром, а комиссия — вот она. Рядом басок старшего животновода Корнея Степановича. «Вот и приготовилась, — упрекнула себя девушка. — Готовилась, старалась и — на тебе! Может, с другого конца начнут?» Члены комиссии приближались слева. А маринкин загончик с этого края, второй по счёту.

Через пятнадцать минут к ней подошли. Возглавлял комиссию Корней Степанович Перемычка. Был он человек высокий, представительный. Усы холил ещё со времён гражданской войны, как вернулся из Первой Конной. Они выдавали его тайные намерения — походить во всём, даже по внешности, если это будет возможно, на своего легендарного командарма. Животновод по должности и призванию, он же первый заместитель председателя, он же прекрасный организатор, он же самый весёлый человек на селе и шутник. Но он же самый из всех правленцев непримиримый в отношении бракоделов и нерадивых.

С Перемычкой — ещё двое. Ветфельдшер Сартанков — низкий, широкоплечий, с круглым, ровного коричневого отлива лицом и длинными, узкими глазами

алтаец, Стеша Рябцева. Стеша не только вожак комсомольцев, но и учётик на ферме, подруга всех телятниц, знает все их секреты и думы и очень строго с них справляющая по работе.

Вот и комиссия вся. И люди-то знакомые и разнакомые. А всё-таки боязно. Тут страшно оказаться последней или, скажем, так себе, середина на половине...

Не дойдя до маринкиной загонки метров пять, Корней Степанович как-то подозрительно крикнул. Потом подошёл к изгороди, оперся на неё и, чмокнув губами, застыл, радостно удивлённый.

— Оце так да! Ого, хлопцы, я понимаю. А ну, идите до мэнэ! — махнул он рукой телятницам. — Вот она, где наша порода растёт! А ну, красавица, — обратился он к Маринке, — докладуй, як ты того добилашь.

Подошли девушки, а Маринка слова не может сказать. Стоит у загонки, смотрит на телят, и хочется почему-то плакать.

— А ну, прошю, прошю, — поторапливал животновод.

— Мы одинаково все, дядя Корней... Вот честное слово, — начала Маринка, — вот хоть у девушек спросите — всегда советуемся... Только и спорили что о прогулке...

— А это мы побачим, — сказал Перемычка. — А ну, вон того бутуза подыми та обрисуй нам его биографию, — указал он на одного из телят, не обращавшего на комиссию никакого внимания. Он подвернул голову к животу и мирно посапывал. Розовые ноздри его трепетно вздрагивали.

— Это, дядя Корней, не бутуз, — улыбнулась Маринка. — Это Светлый... Посмотрите, какой он чистенький, а глаза-то прозрачные, прозрачные...

— Ого! Ну, ну! — кивнул, тихо посмеиваясь, Корней Степанович. — Поднимай ихнюю светлость... Поднимай!

Маринка нагнулась к телёнку и ласково коснулась его бока:

— Светленький! Светлый! Ну, вставай же! Ну, вставай! Телёнок мотнул головой и перевалился совсем на бок, вытянув ноги. Все засмеялись.

— Посмотри, посмотри, и в самом деле — светлость!

Только когда громко расхохотался сам животновод, а хохотал Корней Степанович во весь свой голос, во всю мощь своих лёгких, Светлый приподнял голову, с любопытством посмотрел на усатого человека, попрядал ушами и поднялся на ноги. Поднялись и другие телята. Маринка всплеснула руками и, расширив от ужаса глаза, схватила Корнея Степановича за рукав телогрейки.

— Ой, дядя Корней! Потихе, потихе! Они же ведь спали! Они могут, знаете...

Животновод поднял руку и оглядел торжественным взглядом присутствующих:

— Слыхали? Во я понимаю — забота. Чи не так говорю, доктор?

— Славные телята, — согласился Сартанакров.

Всех маринкиных питомцев переписали по кличкам, обмерили, изучили рацион и режим. Уходя, Стеша шепнула:

— Лучшие, вот увидишь... Ты необыкновенного искала...

— Но я взаправду, Стеша... Может, девочки подумают: скрытничала я... Но, честное слово, я даже...

— Приходи завтра в контору, поговорим, — сказала Стеша.

3

В тот же вечер Маринку вызвал к себе сам председатель правления Иван Семёнович Дубравин. В кабинете сидели члены комиссии. Маринка вошла, тревожно оглянулась по сторонам... Её позвали к столу.

— Смелей, смелей, товарищ Озернова! Садитесь, — Иван Семёнович указал на стул против себя.

Маринка села на краешек, не зная куда деть руки... Иван Семёнович, грузный, заметно задыхающийся, облокотился на стол, смеётся... Глаза блестят, хорошие, весёлые, но шибко, кажись, усталые. Почему иногда от одного такого взгляда становишься будто дома — спокойным и уверенным? Такой взгляд и был у Ивана Семёновича. Сразу просто и легко стало Маринке. И когда он обратился к ней, она даже ничуть не оробела.

— Так, значит, Марина батьковна, — добродушно улыбнулся председатель в небольшую тёмную бородку.

— Петровна, — тихо сказала Маринка.

— Ну, вот, Марина Петровна... Ты, наверное, и не знаешь, зачем тебя вызвали сюда?

— Насчёт, поди, проверки соревнования?

— Отгадала! Ну, а про результаты слышно было вам?

— Нет, — созналась Маринка, испуганно бросив взгляд в сторону Стеши Рябцевой. Та загадочно прикусила губу, а председатель сказал:

— Результаты хорошие. Скажу от всего сердца: обрадовали девчата и особенно ты, Марина Петровна. Думал, откровенно, что эта первая наша проверка после укрупнения вскрыет значительно больше неполадок. А у вас такие знатные цифры. Посмотрите, такие привесы едва ли и по всему району сыщешь! Как, товарищ Петров?

Маринка обернулась: рядом со Стешей сидел невысокий человек в кожаной куртке. «Поди, зоотехник», — мелькнула тревожная мысль.

— Молодец, товарищ Озернова, — подтвердил Петров, — добились наивысшего привеса по району! Будем рекомендовать её опыт.

Маринка опустила голову. Теребя платье, она старалась сосредоточиться и не могла — так была неожиданна эта радость. Какой же у неё опыт?

— Тут ошибка, может, — тихо пролепетала она. — У девочек всё так же... А я — победитель...

— Чему же ты удивляешься? Победители тоже простые, смертные, но только очень старательные люди...

Все заулыбались. А Маринка сидела пунцовая, с громко бьющимся сердцем и не знала, что ответить.

— А теперь, может, вы скажете, — тепло продолжал Иван Семёнович, — как вы добились таких прекрасных показателей.

— Не знаю я...

— Вот-те на!.. Как же так?

— А не знаю и всё!

— Ну, хорошо. Тут, безусловно, надо подумать... Не выступите ли вы перед народом?

— Как же я выступлю?

— А с лекцией?

— Да как это можно — с лекцией? — искренне удивилась телятница. Она привыкла слушать лекции работников района. А из сельских никто даже намного главнее её не выступал с лекцией. И вдруг она. Телятница... Маринка взглянула на Стешу. Иван Семёнович перехватил её взгляд.

— Вот, вот, товарищ Рябцева тебе и поможет, — сказал председатель. — Значит, договорились, Марина Петровна? — И повернувшись к Стеше, добавил:

— Это ваша святая обязанность.

Стеша охотно согласилась.

Девушки вышли вместе.

— Ну вот, видишь, — сказала Рябцева, сжимая Маринкину руку выше локтя. — Ты уже и знаменита...

— Ой, мне прямо страшно! — воскликнула Маринка. — И кто думал! Просто работала и работала...

— Вот чудная ты, — улыбнулась Стеша покровительственно, — а герои, по-твоему, сидят и сидят?

Маринка засмеялась:

— Так то — герои!

* * *

...Вот уже второй вечер девушки сочиняют лекцию, а дело продвигается очень туго. Вернее сказать, совсем не движется.

— Ой, дура я, дура, — говорит Маринка, заламывая руки. — И зачем я только согласилась!.. Если бы знать — не пошла бы в контору... Прикинулась бы хворой...

— Ну и хороша была бы ты... А опыт? — урезонивает Стеша.

— Да где я его найду? — восклицает Маринка.

— А ты поплачь, — советует Стеша, обложившись книгами и наставлениями по выращиванию телят.

— Если бы полегчало — навзрыд бы ревела... А то, что толку? — вздыхает Маринка. — Ну, много я тебе секретов насаждала?

— Пока ни одного...

— И не будет их, не жди... Откуда они у меня? Работала и всё.

— Ты погоди... Вспомни: не было ли у тебя такого случая, ну, как тебе сказать... особенного, что ли? Не как у других, например?..

— Да что ты!.. Я ничего не выдумывала. Пожалуй, выдумаешь на свою голову...

— Ну, а читать-то, читала?

— Сама видишь, — сказала Маринка, доставая из-под подушки «Как закалялась сталь».

— Не про художественную...

— Минимум?

— Да не только минимум... зоотехническую литературу.

— Этой мало... Да я тебе скажу, трудно читать её: цифры, диаграммы, опять цифры.

Стеша досадливо морщила брови.

— А ты вот что-нибудь мне такое, особенное — не расскажешь?

— Ну, например?

— А я почём знаю! Если бы я до тонкости знала, я б нашла у тебя это новое...

— Ты говоришь секреты, — вздохнула Маринка. — Подумай сама: рацион у нас по всей ферме один? Один. Режим один? Один. Правила ухода одни? Одни. Какие же тут могут быть секреты?

— И всё-таки телята у тебя лучшие по району. Объясни, почему это?

— И правда: почему? — задумалась Маринка.

И долго бы ещё, может, сидели девушки, ломая голову над маринкиными «секретами», если бы не зашёл случайно зоотехник Петров. Выслушал он Маринку, Стешу, подумал, покурил. Задал два-три вопроса и, спокойно протирая платочком очки, твёрдо сказал:

— Вот вы говорите: рацион — один, режим — один. Это верно. Но дело всё в том, как выполняется этот рацион, как организован режим? Дело, стало быть, в чём? В уходе. Вот где ищите «секреты»... Сюда их зарыла Озернова. Ясно?

— В уходе, понимаешь, даже вернее в подходе! — воскликнула Стеша. — Вот теперь сознавайся, — строго сказала Стеша и погрозила ей пальцем.

— Я не зарывала их...

— А вот посмотрим, — сказал Петров. — Конечно, Стеша права: каждый из телят требует к себе особой заботы, нужно уметь разглядеть эту особенность каждого. Не так ли?

— Это точно, — согласилась Маринка живо. — У них даже характеры разные. Вы только не смейтесь!

— А я не смеюсь, — очень серьёзно ответил зоотехник.

— Может, пример скажешь, Маринка? — встрепетнулась Стеша.

— Пример? — задумалась Маринка на минуту и вдруг вскинула обрадованно локоном. — Примеров, хоть отбавляй. Вот взять Светлого... Если его поднять утром раньше других телят, хоть на пять минут, станет ходить, капризничать, фыркать — не ест и всё тут... А когда видит, что сосед ест, у него разгорается аппетит, и тогда — за моё почтение!..

— Ну, вот видишь, — воскликнула обрадованная Стеша. — Это один из твоих секретов и есть... Подумай о другом, пока я пишу этот...

— Вот ещё, — продолжала Маринка, — когда раздаёшь пищу, всегда помни, кто у тебя и как ел вчера или в последнее кормление... Например, один плохо ел комбикорм, другому отвар не понравился и наоборот... Это учти тоже.

— Стеша торопилась записывать.

— Теперь развязала узелок, только записывай! — улыбнулась светло Маринка. — Вот, например, обращение взять. Некоторые девушки так делают: одной рукой ласкают телка, а другой тут же и отлупят его... Я заметила: очень запоминают это и не прощают телята. Или вот взять характеры-то. Успеешь?

— Давай, давай, — подбодрила Стеша.

— Такой вот случай был у меня. Может, ты помнишь, Стеша, бычка Верного? Бурый, со звёздочкой на лбу?

— Хорошо помню, — кивнула Стеша.

— Ведь я с ним сколько мучилась! Другой раз до слёз доведёт... А каприз его был такой: никак не мог отдыхать в общем загончике с другими телятами. Как

ни крепка оградка — разбодает и вылезет. А если не удастся это — не ложится, мешает другим, ходит, бодается. Ну, чистое наказание!

— Куда ж он рвался?

— А никуда. Вылезет и тут же ляжет.

— Ишь какой индивидуалист! — улыбнулась Стеша.

— Вот именно, — согласилась Маринка и с увлечением продолжала: — Я сначала всё загоняла его, так он потом ел мало. Я уж и про характер родителей его справлялась! Договорилась я со скотником и пригородила ему рядом с загонкой небольшую клетку. И вот как отдых — он уж сам идёт в неё и спокойно отдыхает... Или вот закалка... Ну, ты знаешь про это. Девушки не всегда любят купать телят, они у них как-то и отбиваются от этого, а мои так привыкли к купанью, что с удовольствием идут... Или взять прогулку...

...Долго не выходили девушки из-за стола в этот вечер, но лекцию составили. И вот, когда была поставлена точка, Маринка вдруг почувствовала, что ни за что не осмелится выступить перед всем селом, да ещё в клубе.

— Ты что ж это? Смеёшься? — возмутилась Стеша.

— Не могу... хоть что делай — не смогу...

— Ну вот что: не дури, Маринка... Посиди, успокойся.

...На селе было тихо. Огней не видно.

— Смотри, кажется, уж отбеливает? — указала на восток Маринка, ёжась под шалью, накинутой на плечи.

— Ну, отдохни. Тебе ведь на ферму скоро, днём перепишешь сама. Подредактируем ещё. А вечером — в клуб.

— Ой, как вспомнишь про это, так и падает сердце.

— Ничего. Дело очень нужное, Маринка, общественное.

— И сама знаю, да шибко боязно...

Где-то захлопал крыльями петух и громко проприветствовал подруг. Девушки расстались.

Васеня, напрягая прищуренные глаза, стоял на одном колене перед косилкой и заделывал последнюю деталь. Как ни остерегался он, но один неверный удар — и молот скользнул и слегка задел большой палец. Старик тряхнул раза два рукой, втянул сквозь зубы воздух, сплюнул всердцах, но с земли не приподнялся, пока не закончил работу. Разогнулся, стёр с колена приставшие кусочки угля, земли и удивился: «Фу ты, да ведь смеркается уже!» Он взглянул на косилку, упёрся ногой в колесо и с силой толкнул вперёд. «Вот и мы, в аккурат! — думал Васеня, снимая фартук. — Принимай, Семеныч, последнюю. А ты сомневался...»

Он подошёл к кузнице, протянул во внутрь руку и, нашарив гвоздь, повесил на него фартук. Заперев за собой дверь, дед спустился к Быстрянке. Он заранее предвкушал удовольствие от того, как сейчас, не торопясь, засучит повыше локтей рукава и окунёт в ласковые, прохладные струи быстрой реки горячие, натруженные руки. И только он сделал это, как на тракте прошуршала какая-то машина. Она осветила лучами фар кусты, выхватила из сумерек угол кузницы и самого Васеню, склонившегося над водой.

Машина не походила ни на автомобиль, ни на трактор, ни на комбайн. Шла она быстро, фары горели ярко и сильно, а вот корпус какой-то непонятный. По бокам высокие пластины, загнутые наверху и похожие на клюв большой птицы, а колёса, как у автомобиля. Васеня, прослеживая за ней взглядом, стряхнул с пальцев брызги и, вытирая руки на ходу ю штаны, быстро вернулся к кузнице. Когда проходил к косилкам, машина резко остановилась около них и сбросила газ. Мотор заглох. Фары погасли.

— Вот и мы!.. Не опоздали? — услышал Васеня молодой знакомый голос.

— Костя? — подался вперёд старик.

— Он самый... Здравствуйте, Василий Никанорович!

Шурша спецовкой, Костя соскочил на землю и подошёл к кузнецу. Васеня крепко сжал его руку.

— Она и есть? — кивнул на самоходку.

— Она.

Дед обошёл вокруг. Костя видел, как загорелись любопытством глаза Васени, как зашевелились, забеспокоились пальцы рук, стремившиеся ощупать новую машину. Однако старик осмотрел её только издали, со стороны. Ни до чего не дотронулся, ни о чём не спросил.

— Как? — не вытерпел Костя.

— Да как... — неопределённо отозвался дед. — Курам осенью счёт ведут.

— Не веришь?

— Кто тебе сообщил об этом? Я не сказывал того. Вижу, вот мотор. Значит, сила огромная... Да... А сноровку поглядим.

Костя с улыбкой смотрел на старика. «Ведь интересуется, радуется, разузнать всё хочет, а...»

— Небось сажен пять захватывает? — спросил, наконец, Васеня.

— Немного меньше... А в общем, работает за десять косилок.

— Ловко!

— Посмотришь — убедишься. Ну, как вы тут живёте... Все. — Костя мельком глянул мимо Васени за Быстрянку на строения фермы.

— Трудимся. Готовились вот к покосу. Хорошо ты — во-время. Прямо как тут и был.

Костя кивнул головой и, подняв чемодан на плечо, нетерпеливо оглянулся. Васеня подтолкнул в плечо тяжёлой ладонью:

— Иди, иди — наскучал!

Костя зашагал. Хотел Васеня сказать про Маринку, догадавшись, что парень спросил про неё, но, посмотрев вслед, улыбнулся: «Ишь как отмеривает». Шагнул было к кузнице, но остановился, дождался, когда Костя скрылся за поворотом — быстро вернулся назад.

У машины ещё раз огляделся. Забрался к сиденью и, хотя почти ничего уже не было видно, осмотрел цепи, пластины с зубьями, представил на миг бешеную работу их, сел, потербил бороду, приятно удовлетворённый. «Техника настоящая пришла... Механика, самая что ни на есть...» Ущемила обидная мысль: «Поремонтировал, Васеня, пожалуй, хватит. Где тебе такие машины?» Настроение внезапно испортилось. По дороге вспомнил,

как два года назад, в самый разгар посевной, помог трактористу сварить головку блока... «А если присмотреться получше к этой... да что там нового?.. И сделаем!» Он пошёл веселее.

Выходя на широкую колхозную улицу, встретился с Иваном Семёновичем Дубравиным, который верхом возвращался с лугов.

— Ну как, Иван Семёнович, травы?

— Хороши... Пора начинать.

— Так. А у нас — новая работница! Поезжайте-ка на двор!

— Пришла? А я завтра ждал... Интересно посмотреть!

Иван Семёнович, отстраняя правой рукой ветви черёмухи, пустил коня прямо через Быстрянку. Длинной ветвью ударило Васеню по плечу. Он шагнул в сторону. И слушая, как торопливо цокали копыта о гальку речушки, как, словно стеклянные, звенели брызги у ног доброго коня, старик подумал: «Техника и в такой, значит, момент прибыла. Небось, какому хозяину не любо такое видеть!» Улыбнулся, постоял и бодро направился к дому.

* * *

Молодые берёзки, заглядывавшие в окна клуба, показались Косте посеребрёнными. Свет падал на траву, на ограду... «Неужели концерт?» — подумал он. Решил свернуть в первый переулок, чтобы не идти мимо. На углу столкнулся с Васькой, соседским мальчишкой, сорвал с плеча чемодан и поставил на землю перед самым носом его.

— Костя, здравствуй! Вернулся?

— Далеко?

— В клуб, — сказал Вася и добавил солидно: — на лекцию...

— Ты? На лекцию?

— За нами специально приходили, — обиделся Вася.

— За кем, «за вами»?

— Да мы — шефы, понимаешь?

— Шефы? Не понимаю.

— Ну, над телятами же. Ясно? Всем отрядом шефствуем.

— Ах, вон оно что? А про что же лекция?

— Про то, как правильно за телятами ухаживать.

— Ага. Понятно. Кто читает лекцию?

— Марина Петровна.

— Марина Петровна? Это что же за лектор?

— Да на ферме-то которая... на телятнике... Не знаешь, что ль?

— Озернова?!

— А то какая же ещё. Мы опыт её будем изучать. И все. Ты лучше скажи, где у тебя самоходка? Пригнал, а?

Костя хватился за чемодан. «Маринка... лектор... она». Дома толкнул дверь так, что в шкафу посуда зазвенела.

— Воды, мама! Поля! Ведро воды!

Мать, сидевшая за столом, вскочила и, уронив на пол ложку, всплеснула руками.

— Здравствуйте, маманя! — улыбнулся Костя, бросая на вешалку кепку и снимая с плеч куртку.

Поля, девочка-подросток в коричневом платье школьницы, выскочила из-за стола и повисла на шее брата. У матери на глазах заблестела счастливая слезинка.

— Шумоватый приехал. А где самоходка?

— Где положено ей быть... Давай воды!

Мать суетилась. Костя оглядел комнату. Половики дорожки самотканые, белые шторы с мережкой посредине, цветы в белённых известью горшках. Всё на своём месте. Уютно и чисто. Он почувствовал себя легко, по-домашнему.

— Костя, а на ней, как, а?

— Вот так: р-р-р! — попугал сестру Костя, норовя ткнуть пальцем в бок.

— Ой-ой! Нет, правда! Кабинка как у шофёра, а?

— Ишь чего захотела — кабинку! — проговорил Костя, плескаясь и фыркая. Мать стояла у таза и подливала ему из ковша. Она, ни о чём не расспрашивая, ласково и заботливо смотрела на сына.

— Однако похудел? — постучала она по голой лопатке пальцем.

— Ну, мама... ты скажешь!

— И правда похудел... То ли всё растёшь?

— Хватит, поди.

— Вот и я думаю. Не мальчишка уже...

Он уловил что-то многозначительное, особенное в её словах. Насторожился. Ел торопясь.

Мать сидела против и подкладывала творожники в масле. Поля — справа, тербя косички, наливала чай.

— В клуб торопишься?

— Схожу.

— Может, отдохнёшь с дороги? Некогда было ещё устать-то, мама.

— А ты не шеф над телятами? — спросил сестрёнку.

— На нашем звене — кролики. А что?

— Да просто... Там все шефы собираются в клубе-то.

— Лекция про телят там, — вставила мать. — И знаешь кто? — Опять Косте слышалось что-то незнакомое в её тоне. — Маринка... Это... чья она?.. — Мать хмурится, будто вспоминая.

— Озернова! — подсказала Поля.

— Ну, ну, — подтвердила мать и добавила: — Такая уважительная... Такая ласковая...

Костя, потупясь, старательно пил из блюдца горячий чай.

— А её — на курсы, — сказала Поля и посмотрела на Костю почему-то внимательно. Тот обжёгся.

— Куда... учиться-то? — тихо спросил он безразличным тоном.

— На повышение, наверное.

«Это что ж, я с учёбы, она — на учёбу». Костя вышел из-за стола и стал быстро собираться.

— ...А вот тётя Даша говорит... Это ж правильно! Как мы... не могли догадаться! — услышал Костя радостный голос Маринки, подходя к порогу зала. — Вы подумайте: растим телят... мучаемся с разными болезнями ихними... дежури́м по двенадцать часов, пока те-

лята не привыкнут к грубому корму, а выходит дело, зачем? Вот тётя Даша задаёт вопрос, а сама подсказывает: плетите намордники! Что проще-то? Сколько часов будет свободных у доярки! Только лучше делать, тётя Даша, из краснотала, чем шить из кожи. Зачем — кожу? Можно прутья... Их полно кругом. Но не в том дело... Вообще-то мне стыдно даже: лекцию читаю, а вы сами мне подсказываете. Так что... вам спасибо, а не мне.

В зале засмеялись.

— Не прибедняйся, деваха, — крикнула Дарья Самонина, пожилая колхозница в синем платке, которую Маринка называла тётей Дашей.

Маринка, в голубом шёлковом платье, стояла возле небольшой трибуны. Лёгкая цветистая косынка перетягивала шею, спускаясь концами на грудь. Костя смотрел на неё, слушал и ничего не понимал. Перед собой он видел только её: тонкую фигуру, милое, дорогое лицо, светлые волосы... Он сел и вдруг расслышал:

— Если, товарищи, вопросов нет — я на том кончаю...

Она стала свёртывать в трубку тетрадь. В зале дружно зааплодировали. Маринку окружили девчата. Она взглянула в зал и оторопела: прямо к ней шёл Костя. Он был в том самом светлосером костюме и сером же галстуке.

«Приехал!» — стукнуло сердце девушки. Маринка инстинктивно подалась назад. Но и девушки уже заметили Костю. Они расступились, и Маринка оказалась прямо перед ним.

— Здравствуйте, Марина Петровна, — сказал Костя и почувствовал как сразу высохло во рту.

— С приездом... — тихо сказала Маринка и покраснела.

— А на нас, значит, ноль внимания? — озорно блеснула глазами Феня. Костя неловко потоптался, не в силах сдержать смущённой улыбки.

— Почему? Это вы напрасно... Ну, здравствуйте!

— Опять же — «ну». А почему с ней без «ну»? — не унималась просмешница Феня.

— Но, Феня... Ты, я знаю... начнёшь... — Маринка погрозила подруге пальцем.

Костя кашлянул в кулак и с силой выдавил из себя:

— Привёл... Вчера утром принял...

— Кого? — не сразу поняла Маринка.

Они сели на конец скамейки.

— Её, самоходку...

— Ах, её? — сказала Маринка. — Хорошо, что ты приехал. Перед самым началом. Нынче сена, сена потребуется! Знаешь, сколько голов-то на ферме будет?

— Я не боюсь, — с живостью сказал Костя, — выдюжу. На то и учился.

— Интересно, какая она, самоходка?

— Хочешь, сходим сейчас — я покажу. Или, может... танцы?

— Пойдём.

Они встали.

— А вот и Стеша! — сказала Маринка.

— Привет, Костя! — Стеша энергично потрянула его руку. — Мы тебя во как ждали!

— А что?

— Узнаешь скоро.

— Нет, серьёзно, чтобы не думать, а? Задание на сенокос?

— Нет, задание — дело правления. Ну, уж ладно, скажу. С десятков комсомольцев выучишь водить самоходку?

— Многовато.

— Ничего не многовато. Вечером на твой прокос приходить будем после ужина. Ну, как?

— Учить, конечно, надо.

— Договорились, — заключила Стеша и, обернувшись к Маринке, сказала: — Хороша твоя лекция. Народ доволен. Дай руку! Ты, конечно, танцевать не останешься?

— Я... — смущённо начала Маринка.

— Феня, Феня! — вдруг крикнула Стеша. — Ты мне нужна. Слушай-ка! — и Стеша отошла от Маринки и Кости.

Взошла луна. Заискрилась серебристо-зеленоватыми бликами Быстрянка. Кусты черёмухи и краснотала будто ожили, ветви обросли дрожащей трепетной световой короной... Маринка протянула руку. На миг пе-

ред её глазами встал тот день, когда весной она впервые обнаружила цветущий краснотал...

— Пойдём через переходы, — тихо сказал Костя. Маринка кивнула головой и свернула за ним на тропку. Раздвигая ветви черёмухи, Костя обернулся:

— Берегись!

Маринка схватилась за ветку. Коснулась Костиной руки.

— Отпускай! — сказала она.

— Не удержишь, боюсь! Ветка тугая!

Она, не отнимая своей руки от Костиной, счастливо улыбнулась:

— Удержу.

— Нет, нет... Ты нагнись лучше, — настаивал Костя, не выпуская ветки. — Нагнись, — шёпотом повторил он. Она кивнула головой и легко приподняла над собой ветку.

— Ну, вот... Одно препятствие взяли. Теперь самое главное, — он указал на две жерди, переброшенные через Быстрянку.

— По кустам лазим... А дорога рядом, — засмеялась Маринка.

— По дорогам-то дурак пройдёт, а ты вот попробуй здесь, да ещё ночью... — пошутил Костя.

— Нужда заставляет.

— Стоп, Марина Петровна... Я иду вперёд. Ты держись за меня. Чур, в воду не глядеть! Ну, смелей!

— Лучше я одна...

— Не могу.

— Нет, кроме шуток, Костя. Жерди прогнутся, и мы накупамся. Ты иди — потом я.

Он осторожно обнял её за плечи и легонько подтолкнул вперёд.

— Тогда уж иди ты, чтобы я видел.

Маринка смело шагнула на переход и остановилась. Посмотрела вниз. Там бежала Быстрянка. Обычно бурная, она показалась ей сейчас тихой и ласковой. Даже стремительный бег свой умерила она — так думалось. Маринка улыбнулась, шагнула вперёд раз-другой, потом бегом-бегом, прыжок в сторону — и на том берегу...

...Поднявшись на берег возле кузницы, они вышли во двор, и Маринка сразу увидела новую машину.

— Это вот пилы, наверное... Правда? — указала она на поднятые железные пластины.

— Полотна.

— Видишь, какая я догадливая...

— А я всегда говорил...

Они засмеялись. Когда Маринка насмотрелась на самоходку, обойдя раза два вокруг, Костя стал рассказывать об её устройстве и увлёкся. Полез было к цепям, блестящим в лунном свете толстым слоем смазки, но Маринка схватила его за плечи, он обернулся к ней, как будто видя впервые.

— Костюм!.. Новый ведь он, — сказала она, тихо улыбаясь.

— А-а... Костюм... Да... Я забываю... В общем, тебе ясно?

Она молча кивнула ему и попрежнему доверчиво смотрела в лицо. Мало поняла его, но было ясно, что Костя — без ума от своей машины. «Настоящий механизатор! — с гордостью подумала Маринка. — Такую машину дали сложную, сильную».

Они прошли к берегу нового пруда. В воде, будто кувшинки лилий, покачивалась звёздная россыпь.

— К осени, пожалуй, свет будет. Иван Семёнович сказывал, — кивнул в сторону плотины Костя.

— Свет! — восторженно сказала Маринка, подходя к яру. — Это, значит, и радио и кино своё...

Костя осторожно отвёл её от крутого берега.

— Моторы — вот что главное. Силища какая будет в колхозе, — добавил он к её мысли.

От пруда потянуло свежим ветерком. Костя снял пиджак и набросил его на плечи Маринки.

— Я не мерзлячка...

— Это уж мне лучше знать, — категорически сказал Костя, придерживая пиджак правой рукой.

— Простынешь у реки сам...

Он засмеялся и отрицательно покачал головой. Медленно пошли они вдоль берега.

— Расскажи о городе, Костя, — попросила Маринка.

— А что сказать о нём? Можно много рассказывать. Ну вот, любили мы по выходным на стадион ходить... А в театре, знаешь...

— Я не про то... — перебила Маринка, — как там учителя, очень строгие?..

— Да как тебе сказать... смотря к кому...

— Понимаю, — она вздохнула. — Я вот перезабыла всё.

— Да ведь тебе ехать скоро...

— Боюсь я, — созналась Маринка. — Вдруг спросят что, а я и не знаю...

— А про такое тебя и не спросят.

— Кто знает... могут. Я уж снова все наставления по телятам перечитала.

— Там о трёхлетнем плане по животноводству, конечно, могут спросить.

Она схватила его за руку.

— Костя! Ведь это, наверное, главное. А я не подумала. У меня же есть книжка... А по колхозу ведь в конторе у Стеши можно узнать. Как это я!

«Вот и загорелась, — подумал Костя, — теперь заболит».

— Может тебе б не в этот раз ехать, а? — несмело сказал Костя.

Она удивилась.

— Почему? Это ты зря. Чем скорее, тем лучше.

— Всё это неплохо, Маринка. Но я хотел бы... Если бы ты... Если бы действительно... По-настоящему...

Остановились у домика Маринки. Он был в кустах акации и тополей, заботливо выбеленный снаружи. Маринка тихо сказала будто себе:

— Говорят, какой-то новый учебник есть по зоотехнии, а я его и не видела.

Он промолчал. Было немного досадно.

— Я пойду... Сегодня весь день такой. Измучилась, — сказала она.

— Постояла б... или тебе всё равно?

— Костя! — она порывисто шагнула в его сторону, обожгла укоризненным взглядом и, решительно повернувшись, пошла к дому. С крыльца спокойно сказала:

— Отдохни как следует. Завтра ведь на покос, Костя. Зря не серчай.

«Зря! А что тут зря? — шептал Костя, идя домой расстроенный. — Разве я не понимаю, что надо учиться? Но так вдруг...»

На рассвете следующего дня поднялось всё село. Промчались на рысях машинисты конных косилок; горбясь и звеня железными прутьями, проехали сгребальщики; шли бригады ручных косарей; тут же на телегах ехали старики с отбоями. Девушки, держа над головами деревянные грабли, затянули песню, и долго она звенела над лесом, задорная и весёлая, уходя в голубую даль полей.

У костинного первого участка все остановились, ожидая, когда он подведёт свою голубую птицу, как её уже прозвали за голубую окраску. Костя круто свернул с тракта и, снизив полотно, с ходу пустил самоходку в цветущее разнотравье. Три ряда легли за ней.

— Будто шьёт! — восхищался, наклонившись к рядку, Дубравин.

А машина шла и шла. За нею в три ряда тянулась низко срезанная трава.

— Эта не даст раздумывать. Поторопит, — согласились окружающие.

— Хороша-а!

Вслед за самоходкой на отдельных участках, охватывая огромный луг со всех сторон, застрекотали конные сенокосилки. В ложках, на крутых склонах и колках легли первые прокосы ручных косарей.

...А дни стояли солнечные, вёдренные. Колхозники торопились до дождей поставить как можно больше зелёного сена. Как-то вечером на полевой стан фермы приехала Стеша Рябцева. Она привезла свежие газеты, макеты «Боевых листков». С Маринкой прошла по полю к Быстрянке. Сели на берег, прямо в траву. От реки поднимался лёгкий туман. Вокруг наперебой кричали перепела и кузнечики.

— Хорошо косит колхоз? — спросила Маринка.

— Неплохо. В районе держимся на первом месте.

Маринка вздохнула.

— Костя-то что делает! — воскликнула Стеша.

— А что?

— Тридцать пять гектаров в день вместо двадцати запланированных.

Маринка задумчиво посмотрела на реку.

— Что у вас с ним? Если не секрет, конечно?

— Не пойму я его, Стеша...

— Вчера была на его самоходке, — сказала Стеша. — Как угорелый! Еду, говорю ему, в город, правление командирует за литературой. Привет, может, кому передать? У тебя там теперь, наверное, знакомых много! Как взглянет на меня, так и думала, стукнет, честное слово... С полчаса молчал, а потом остановил на повороте машину и говорит: «Обойди все магазины, все киоски, но учебник новый по зоотехнии привези мне! Вот моя, говорит, просьба». Не понимаю, зачем ему-то этот учебник понадобился. Чудит парень!

Маринка быстро взглянула на Стешу, схватила её за плечи и, смеясь, бросилась целовать.

Смех её был какой-то особенный. Будто из самого сердца выходил он, и смеялась не Маринка, а оно, сердце. Встали перед её глазами краснотал, почки в пуху, долина, широкий тракт, над которым в проводах бродил кто-то невидимый и шевелил их, и звенел ими. И всюду солнце, солнце...

И Маринке показалось, что с тех пор все эти дни ярко горит оно в её груди, будит в сердце какую-то неясную, но очень волнующую, очень чистую радость — песню. И песня зовёт на подвиг.

...А в этот миг и действительно из берёзового колка долетела до них весёлая песня.

— Кто это? — прислушалась Маринка, вставая.

— Костины студенты, — улыбнулась Стеша, прибирая волосы, растрёпанные Маринкой. — Будущие самоходчики.

ВЫСОКОЕ ПОРУЧЕНИЕ

Иван Гудзя пришёл в разведку с новым пополнением. Был он высокого роста, плечист, на румяных щеках, как у девушки, — ямочки. Особенно располагали к себе глаза: открытые, доверчивые. В них всегда светился чистый родничок хорошей улыбки. Командир взвода разведчиков гвардии старшина Улыбин с большим удовольствием похлопал статного парня по плечу и заполнил на него арматурку.

— Сержант! — крикнул Улыбин низенькому, но удивительно подвижному пареньку с широким мускулистым лицом и живыми глазами. Тот быстро подошёл к старшине, стукнул каблуком:

— Я вас слушаю!

— Принимай пополнение! Видал? — кивнул старшина на Гудзю, восхищённо блеснув глазами. — Внук Петра!

— Так точно, товарищ гвардии старшина! — серьёзно отрезал сержант.

— Запиши к себе.

— Есть! — он мотнул головой Гудзе. — За мной! —

И, круто повернувшись, зашагал в дальнюю землянку. Гудзя вразвалку пошёл за своим новым командиром.

«Ничего, — подумал Никита, следя за его «штатским» шагом. — Выправится... А разведчик добрый будет... Главное, чтоб не трус был, а выправки сержант Супрун в два счёта добьётся».

Но работы с новичком оказалось гораздо больше.

Уже на вечерней поверке Супрун, тревожно пощёлкивая своими глубоко посаженными глазами, доложил старшине:

— Ну и взяли ж этого... Умора!

— А что? — насторожился Никита, недоверчиво оглядев командира отделения. — Поточней выражайся...

— Да ведь за каждым его движением целая эпоха, товарищ старшина!

— Человек ты военный, — рассердился Улыбин, — а выражаешься чорт знает как! Выкладывай дело! — Старшина не любил туманных выражений и неточностей.

— Так ведь честное слово! — красный от смущения и волнения воскликнул двадцатилетний командир отделения. — Узелками обвешался... Портянки своей меткой запятнал... Обмотки — особой меткой.

— Ещё? — хмуря светлые свои брови, спросил Улыбин.

— Ещё — отбивается... Один норовит быть... Я, товарищ гвардии старшина, даю честное комсомольское, нахлебаемся с таким, я бы сказал, отсталым элементом...

— Больше ничего не скажешь?

Сержант пожал плечами.

— Мы ж в разведке, товарищ старшина... Это надо понимать. Мы есть передовое звено в части, а стало быть и по культуре и по всему...

— Об этом помолчи, — перебил его Улыбин. — Ты вст скажи, где ты родился и вырос до армии?

— Как где? — удивился сержант.

— Отвечай! — настаивал старшина.

— Ну где... Ясно дело, у нас, около Омска... Там и родился, там и вырос.

— При какой власти?

— Известно при какой — при нашей... при советской...

— Ну вот. А теперь вспомни, когда освободили наши Западную Украину.

— В 1939 году.

— Делай вывод.

Сержант с удивлением вскинул глаза на старшину.

— Это верно... И всё-таки чудно — ровесник, ведь.

— По возрасту, Вася, учти это, но не по сознанию, — назидательно и с удовольствием заметил старшина. — Наши годы и ихние — не ровня друг другу... И из нашего Гудзи, я думаю, добрый будет разведчик... Видел, как он через канаву сиганул, когда из бани шли?

— Ловок — это точно...

— А сила?

— На виду, — согласился сержант.

— Надо парню помочь, — сказал старшина. — Помочь перестроить свою идеологию. Понял?

— Ясно.

— Поговорю лично с парторгом... А вы не вздумайте на смех его поднимать... Ясно? Шепни ребятам, чтобы ни-ни...

— Так точно.

— Иди... Подойду позднее...

Хоть с виду и старался держать себя спокойно Улыбин, однако сообщение сержанта его крепко обеспокоило.

Через пару минут он был уже в землянке парторга Бунина, спокойного, угловатого человека, лет 45, металлурга с Кузбасса. Он пришивал подворотничок к гимнастёрке. Выслушав старшину, парторг кончил работу, расправил воротничок и, отложив гимнастёрку на столик, прилепленный на трёх ногах в углу, снял с гвоздика дивизионную газетку и неожиданно сказал:

— Прочитай...

На первой страничке было сообщение о расстреле наших парламентёров под Будапештом, а на последней публиковалось продолжение сообщения о злодеяниях немцев на Северном Кавказе и Украине.

Старшина не мог говорить от волнения.

— Сволочи, — стиснув зубы, прошептал он. — Идут на всё...

— Предсмертные судороги, — сказал парторг.

Но Улыбин не понимал, какое это отношение имеет к Гудзе, и поэтому внимательно и выжидающе смотрел на парторга, который, закулив, подавил в себе волнение и, остановившись против старшины, тихо, но ясно сказал:

— Учите его этой священной ненависти. Вызовите на откровенный разговор о себе... О зверствах оккупантов в их краю пусть скажут... О великом русском народе-богатыре, о его вождях... Это, несомненно, большая работа. Помогу. Вышлю комсорга с беседой.

— Так ведь не сегодня завтра итти в тыл?

— А ты не бойся. И в разведке и в бою... Испытай. Ставь смелее задачу. Не бойся. Доверяй человеку.

— Да разве ему такой промежуток догнать?

— Какой? — не понял младший лейтенант.

— Который лежит между нами. Переродиться надо.

— Это будет второе рождение... Вот ты — коммунист. Пусть будет тебе партийным поручением воспитание этого человека другой эпохи...

— Есть! — козырнул старшина.

— Ты учти: процесс перевоспитания у него должен пойти значительно быстрее. И знаешь почему? Потому, что ему-то придётся итти по проторённой дороге... Всюду среди наших людей он будет видеть образец для себя.

Трудную задачу поставил парторг. Никогда не был учителем старшина. На фронт попал он прямо из полеводческой бригады. И кончил-то всего-навсего девять классов средней школы. Попробуй подравнять идеологию человека другой эпохи. Ясно, что Гудзя подвержен ржавчине проклятого прошлого. Попробуй вот отскреби её от человека, если она ещё от деда-прадеда идёт.

Нелёгкую задачу взвалил на свои плечи старшина Улыбин. Посовещались с Супруном. Решили, что он почитает сегодня в отделении газету, а секретарь комсомольской организации проведёт беседу о моральном облике советского человека...

...Гудзя на беседе сидел безучастно. Это беспокоило старшину.

— Ясно, товарищи? — спросил беседчик. — Наш человек должен и за рубежом своей родины вести себя достойно. Вопросы есть? — И как бы мимоходом: — А у вас, товарищ Гудзя?

Гудзя вскочил. Растерялся. Лицо его покрылось красными кругами.

— Не маю чого сказаты...

— Ну, а лекция понятна?

— Не розумию, — сознался Гудзя, ещё больше краснея. Разведчики переглянулись, подавляя тяжёлый вздох.

— Неужели неясно, что фашисты — звери, и все их помыслы дикарские?

— То розумию... Хорошо... Ще бендеровцы... — он блеснул глазами.

— Ну, вот-вот, — обрадованно кивнул под одобрительные взгляды старшина. — А про то, что только русским, советским людям под силу оказалась борьба с ними, это тебе ясно?

— Того не знаю... И правда, отчего? — с любопытством оглядел он ребят.

— На то мы и советские, — сказал кто-то.

— Это понятно, но для него не совсем ясно, — поправил комсорг. — В чём наша сила, должен он понять... А сила советских людей, товарищ Гудзя, в том, что они превыше всего любят и берегут своё социалистическое отечество. Их объединяют одни думы, одни мечты: сделать свою Родину прекрасней всех, богаче всех, счастливей всех, потому что и Родина бережёт своих верных сынов. Она заботится об их здоровье, учёбе, счастье.

— У нас всего два роки булы советы... Больницы появились, школы, машинное товарищество, — сказал, просияв, Гудзя.

Ребята обрадованно заулыбались.

— А когда б лет тридцать, разве то было бы, товарищ Гудзя? И вот такую страну хотели у нас отнять фашисты!

— Им народное щасте глаза застит, — тихо сказал Гудзя и добавил растроганно: — Було у нас... таке дило, що страшно.

— Расскажи, — попросили Гудзю.

Он, волнуясь, сказал:

— Таке дило що сожгли бендеровцы всю деревню... Мою мать... убили та взяли и — в костёр...

Разведчики переглянулись. Усатый пожилой солдат подвинулся на скамье и тепло произнёс:

— Двигайся, браток, к печурке, там от двери тянет...

Гудзя запротестовал:

— Ничего, ничего...

— Так схватили и... За что же?

— Один там був из сельских... Скрывался... А мать признала его... Та и сказала... Она ночью побег сделала. Бандиты искали... Сидела у людей в подполье.

Этот эпизод сразу приблизил людей к Гудзе. Разведчики стали более внимательны к нему и все его смешные привычки воспринимали как наследие, от которого они все должны помочь ему избавиться.

Все заметили, что Гудзя первое время совсем не хотел слушать читки газет. Это было для многих непонятным. Сначала относили это за счёт его малограмотности, но потом поняли, что причина не только в этом.

Как-то вечером читали свежий номер газеты. Гудзя лежал на нарах и, казалось, не слушал. Речь шла о том, как колхозники одной области приобрели для армии целую колонну боевых танков.

Гудзя вдруг неожиданно засмеялся.

— Ты что? — спросил читающий. И все прислушались, ожидая от Гудзи очередной, как говорил сержант Супрун, «фортель». Гудзя приподнялся на локте и, улыбаясь, сказал:

— Де ж воны денег взяли на танки?

Ребята посмотрели друг на друга и поняли, что Гудзя отнёсся к газетному сообщению недоверчиво.

— А вот ты, Гудзя, не слышал про колхозника Феррапонта Головатого?

— Ну, а шо?

— Он купил на свои деньги два самолёта и подарил их.

— Небось шпикулян був, чи меняла какой?

— Колхозник. И все эти деньги заработал собственными руками на трудодни. И Сталин ему благодарность объявил... Было это в нашем крае...

Гудзя удивился.

— Сколько ж мае колхозник денег?

— У нас в Кулунде в урожайный год колхозники за-
сыпают хлебом свои горенки или совсем не берут зер-
но, — заметил разведчик-сибиряк.

А Супрун, видя растерянность Гудзи, сказал твёрдо:

— Наши газеты, Гудзя, делает сам народ.

— Как же то можно?

— Газеты и журналы опираются на массы. В наших газетах врать нельзя. Они первые помощники на произ-
водстве и во всяком деле. Газета разъясняет, организу-
ет и, если надо, призывает к порядку.

— Как?

— Одёрнет зарвавшегося человека или бюрократа...
А требуется — настоит перед прокурором или админи-
страцией, чтоб привлечь к ответственности. Газета у
нас большой авторитет имеет. Ты пойми это. Она обе-
регает честь и будущее нашего народа. Помогает
строить это будущее. Указывает на ошибки, помогает
изучить лучший опыт. Газета помогает людям увидеть
завтрашний день. Она — первый помощник нашей пар-
тии. Ясно?

— Кажись, да... — задумчиво кивнул Гудзя.

А в конце февраля Гудзе пришло письмо. Вспыхнул
он, повертел его и признался, что «не розумеет» гра-
моте...

Супрун хлопнул себя по лбу.

— Что ж это никому и в голову не пришло!

Письмо читал сам старшина Никита Улыбин. В кон-
верте вместе с письмом была обнаружена небольшая
вырезка из газеты.

— Да тут, кажется, портрет девушки! — восклик-
нул старшина. — А ну признавайся, что за барышня! —
шутливо улыбнулся он, рассматривая миловидное лицо
девушки.

Гудзя дрожащей рукой взял вырезку и, всматри-
ваясь в портрет, с удивлением воскликнул:

— Та то ж... То ж, гвардии старшина... Никак
Олёнка?..

— Какая Олёнка?

— Та сестра ж...

— Сейчас прочитаем... — Никита взял вырезку и к
великому изумлению и радости Гудзи прочёл громко:

«Лучшая стахановка стекольного комбината Олёна Гудзя, став на стахановскую вахту, за одну декаду закончила свой квартальный производственный план. Олёна Гудзя — зачинатель новых методов работы на нашем комбинате. Только за одну декаду она заработала свыше трёх тысяч рублей, из которых полторы тысячи отчислила добровольно в помощь фронту. Наднях, на техническом совещании Олёна Гудзя выступит с докладом о методах своей работы и расскажет о том, какие усовершенствования вносит она в свою работу».

Гудзя сидел красный от смущения и радости, глядя на старшину повлажневшими глазами. Бережно свернув газетную вырезку, Гудзя спрятал её во внутренний карман и попросил Никиту прочесть письмо. Сестра писала о том, как изменилась сейчас жизнь на Западной Украине.

«Я учусь в вечерней школе, что при заводе открыли, — писала она. — Был бы ты, Ванко, дома, я б помогла тебе в учёбе... Бей врагов да приезжай до дому, а мы отсюда поможем вам добить их».

— Хорошая у тебя сестра, Гудзя, — сказал Никита.

Гудзя бережно свернул письмо и запрятал в вещевой мешок.

— О, сестра! — воскликнул он. — Коли б вы бачили, старшина!

— Вот что, товарищ Гудзя, — сказал серьёзно Улыбин. — Поможем мы твоей Оксане.

— Олёнке, — поправил, улыбаясь, Гудзя. — Як?

— Да Олёнке. А вот как: будем мы тебя учить, голубчик, грамоте...

Старшина встал и приказал Супруну:

— Каждый вечер, в свободное время, обучать грамоте гвардии рядового Ивана Гудзю.

— Есть! — коротко ответил командир отделения.

Разведчики шумно одобрили решение старшины. А вечером того же дня вызвал Никита Улыбин в свою каптёрку Гудзю и попросил снова газетную вырезку с портретом девушки.

— Пока не разумеешь грамоте, буду писать тебе письма я. Понял? Не доверяй... там... кому попало. Ясно? — сказал он, стараясь быть строгим.

— Спасибо вам, гвардии старшина, — блеснул глазами обрадованный Гудзя.

— Не на чем, — отвёл взгляд старшина. — А портрет её, если хочешь... сохранить... Понял?

— Понял.

— Могу портрет и всю вырезку — в свою полевую сумку... Понимаешь? Отсюда уж — никуда. А ты можешь и подмочить и всякое бывает. Да и вообще у разведчика ничего лишнего не должно быть в карманах.

— Ясно.

— Ну, вот... Сегодня я напишу ей весточку от тебя. Первую...

— Скажить там, товарищ гвардии старшина... За мать и за всё отомщу сполна... Так и скажить ей.

— Конечно...

— И ещё скажить... шоб не дюже с хлопцами... Моего благословенья на то нет.

— Ну, это само собой, — строго сказал старшина. — Только благословение твоё — пустой звук.

— Ни, не может она! — горячо воскликнул Гудзя. — Я за отца ей!

— Одним словом, я твои слова передам, — сказал старшина. — Постараюсь.

Оставшись один, Улыбин опустил на топчан и долго рассматривал портрет девушки. Чем-то далёким, родным повеяло на старшину. От её больших весёлых глаз, от смелого разлёта тонких бровей и всей её фигурки, втиснутой в рамку портрета, пахнуло на старшину будто дуновением лёгкого ветерка, забытыми прелестями сельского вечера, запахом полей, ласковым перебором гармошки и отголосками девичьей песни...

Старшина смежил глаза. И почувствовал, как ему дороги эти воспоминания...

Часть готовилась к боям. Шла усиленная разведка вражеской обороны. Взвод старшины Улыбина выполнял особое задание. Пока разведчики каждую ночь подползали к переднему краю и по несколько часов кряду лежали, затаившись вблизи врага, следя за всеми изменениями на вражеской стороне. Немцы в то время ещё сидели крепко в самом городе. Почти вся восточная

ная часть вниз по Дунаю принадлежала им. Взводу было приказано до боёв тщательно разведать пункты боепитания и средства доставки снарядов на передний край.

Весь пригород окутался в несколько рядов колючей проволокой. Справа, к реке, на участке Улыбина окопы обрывались крутым бетопированным обрывом. Эта часть обороны усиленно охранялась. Здесь стояло несколько крупнокалиберных пулемётов, два сильных прожектора. Это сразу показалось подозрительным старшине, и этот участок он взял под усиленный и неослабный контроль.

Пункты боепитания находились в глубине обороны. Но способы доставки боеприпасов были неизвестны разведчикам.

Командиру роты, гвардии капитану Полякову, весьма недвусмысленно заметил генерал, что рота, очевидно, не в состоянии добыть нужные сведения для части.

— С каких пор стало, капитан? — пожурил он и твёрдо добавил: — Завтра я должен твёрдо знать о средствах доставки боеприпасов...

— Ясно, товарищ генерал, — ответил Поляков. — Разрешите нам устроить в левом углу инсценировочку?

— Огнём?

— Да.

— А вы твёрдо убеждены, что берег...

— Так точно. Ведь ещё никто из нас не смотрел вдоль берега...

— Хорошо, действуй.

...Тёмной ночью, когда полыхали вокруг зарницы и холодный ветер с брызгами дождя и жёсткой снежной крупой бил в лицо, взвод Никиты Улыбина подползал к Дунаю. Впереди чернела разрушенная водопроводная колонна с грудой щебня, а в двух метрах от неё началась проволока. Нужно было незаметно подползти к щебню и зарыться в землю. С полянки через траншею и проволоку должен быть виден весь берег, уходящий в глубину обороны.

В то время как Улыбин с Гудзей, который ни за что не хотел отстать от старшины, ползли к колонке, вся рота, вооружась гранатами, ползла по самому открытому месту в центр нападения.

Вскоре на самом левом фланге кто-то из разведчиков подорвался на mine и тотчас вражеский берег отозвался бурными вспышками огня: резко и гулко забили пулемёты, отвратительно заквакали в полёте мины, ослепительно вспыхнули с двух сторон прожекторы.

— Вперёд! — крикнул капитан Поляков, и десятки гранат полетели через проволоку в огневые точки. Откуда-то из-за укрытия мощно ударила наша артиллерия. Перед самым Улыбиным взметнулись вдруг рельсы со скрученной проволокой, взвизгнули осколки, горячее дыхание обожгло лицо...

Но вот и цель... Ещё пару усилий...

Когда рота спешно проходила оборону, Никита Улыбин с Гудзей подползли под железные перекрытия колонны. Вдруг оба они провалились вглубь. Никита головой стукнулся обо что-то мягкое, слышался слабый стон. «Немец!» — молниеносно вспыхнула мысль. Нащупал рукой что-то липкое. «Кровь. Значит, ранен». Придавили его. Обезоружили молча. Немец стонал всё громче и громче. Гудзя сел ему на голову. Немец замолк. Всмотревшись в темноту, Гудзя вдруг зашептал:

— Гвардии старшина... Гвардии старшина. Тут сообщение под землёй. Ей богу!

— Тише! — сдавил его руку Никита. — Проверь!

Гудзя пополз. Улыбин думал, что предпринять с немцем. Этот подвал никак не входил в их планы. Отсюда совсем не было ничего видно. Единственно верный выход — вынести отсюда раненого немца. Он осторожно вытащил карманный металлический фонарик, заслонил собой ход и осветил пленного. Немец был молодым, безусым. Острые скулы, вымазанные в грязи, были задраны кверху. Через всё лицо медленно текла тёмная слизь. Едва ли мог представлять собой какую-то ценность этот солдат. Да и, кажется, он не дышал уже.

«Придавил Гудзя», — подумал Никита и стал вглядываться в проход. Было ясно, что немцы сюда вернутся. Создавалась очень сложная обстановка.

Вернулся Гудзя и сообщил, что ход засыпан землёй. Вдруг где-то сбоку, тихо, но отчётливо и резко, брякнул звонок. Старшина почувствовал, как у него стала мёрзнуть спина, а на лице выступил холодный пот. Одно мгновение он медлил, потом решительно шагнул в угол

и, сняв трубку полевого телефона, простонал в неё. Там, очевидно, не поняли, зазвонили ещё. Никита опять бессмысленно промычал что-то в ответ.

Никита повесил трубку.

— Теперь жди гостей, — проговорил он.

— А ну, пусть сунутся, — решительно проговорил Гудзя, снимая автомат.

Никита посмотрел вверх. Небо серело.

— Если сюда доберутся немцы днём — нам не уйти. А главное — не выполнить задачу.

— Що це таке? — оступился неожиданно Гудзя. Выхватив из-под его ноги, Никита внимательно осмотрел коробку. Нашупал детонатор и провод, идущий под землю.

— Это, Гудзя, значит то, что Ганс был заминирован, сам того не зная. При надобности он был бы взорван.

Старшина осторожно обезвредил мину.

— Эх ты, зря так сел на него, — сказал он Гудзе, указывая на немца, — может он действительно знал секреты, если они минируют его.

— Хиба ж вин... того? — удивился Гудзя.

— Вот тебе и хиба... Не дышит уже...

— Та вин дрибненький, як мышь...

— Ты, пожалуй, и слона задавить можешь.

— Если он немецкого роду, — улыбнулся Гудзя.

Надо было что-то решать. Ведь командир роты думает, что они наблюдают за вражеским берегом, а им отсюда, кроме стен подвала, ничего не было видно.

— Как ты думаешь, Гудзя, полезут они сюда?

— Полезут.

— Чтоб ты делал?

— Я б стрелял...

— Ну, а когда выйдут патроны?

— Граната...

— Если и её не станет, а будут лезть и лезть?

— Тогда — вот! — Гудзя потряс огромным кулаком.

Старшина улыбнулся.

— Слушай меня, — сказал он. — Если фрицы полезут сюда, нам нужно захватить живым первого...

— Ясно, — сказал Гудзя.

— Дальше. Нам нужно утащить его к себе...

— Утащим...

— А теперь будем ждать. Сначала ты подежурь, потом я... Как начнут копать — буди.

— Ясно.

Неожиданно в подвале стало темно. Никита глянул вверх и откатнулся в сторону, выхватывая пистолет: прямо на них, торопливо забрасывая ноги в отверстие, прыгал неожиданный «гость»...

Оглушённый страшным ударом кулака, немец ослаб и шлёпнулся на землю. Обезоружили его, связали. Никита снял с шеи небольшой шарфик и заткнул ему рот.

— Теперь быстрее наверх! Они подумают в темноте, что это он ещё возится на щебёнке... Ты подашь мне его...

С этими словами, встав на руку Гудзи, которую тот упёр в стенку подвала, старшина поднялся наверх...

К вечеру того же дня мощный артиллерийский шквал обрушился на береговую линию врага. Немцы, пользуясь обрывом реки, сделали над водой подвесную дорогу. По крепкому стальному канату они доставляли боеприпасы на всю глубоко эшелонированную оборону.

А ещё через день, на рассвете, советские войска завершили окружение города и начали бои по уничтожению гарнизона.

Генерал лично вручил Никите второй орден Славы, а Гудзе медаль «За отвагу».

От радости Гудзя сам хотел написать письмо Олёнке, но у него ничего не получилось. Он морщился, потел. Огромные, корявые буквы, прыгавшие сверху вниз, выдавали состояние его души. Исписав лист, он хотел прочитать, но сделать это оказалось ещё трудней. Наконец, тяжело вздохнув, он скомкал лист и пришёл к старшине.

— Не могу же... Практики нема...

Старшина похлопал его по плечу, засмеялся и тут же стал писать.

«Здравствуй, наша далёкая, — и перед Никитой встали почему-то широкие плёсы Катунь. — Далёкая и ласковая», — продолжал он, и снова нахлынули на него воспоминания о голубых ущельях Алтайских гор, черёмуховых зарослях, медовом воздухе, щекочущем ноздри...

Он вздохнул и поднял лицо.

— Вот так, Гудзя... не могу. Пиши сам под моим контролем... Пусть знает...

Гудзя с радостью взялся за карандаш.

— А от меня сочинишь привет, какой по душе тебе...

И Гудзя написал: «Ещё, Олёнка, сообщаю о чловеке, которого кохаю пуще себя. Вин надо мной шеф. Поклон от него. Вин и карточку твою в своей сумке бережёт...»

Войска успешно продвигались по австрийской земле. В одной небольшой деревеньке у подножья Австрийских Альп Гудзя получил письмо от Олёнки. Еле разбирая слова, он читал сам. Девушка радовалась успеху брата, поздравляла с наградой, передавала сердечный привет Никите.

— А ну, кажи, — потянулся к письму старшина. — Верно. «Передай горячий, сердечный привет Никите Ивановичу... Я не забуду его доброты к моему брату», — прочитал он и почувствовал, как жаром обнесло его лицо. — Спасибо.

В конце письма Олёнка писала: «К нам в Старую Гужу приехала новая учительница. Мы с ней шибко-шибко дружим. Звать её Олеся Петровна... Ой, что за дивчина, Ванко! Она мне як ридна сестра. Мы долго сидим вечерами. Она про тебя тоже спрашивает... Интересно...»

«Учительница, — подумал Гудзя, — и моя Олёнка с ней дружит!» — Он взволнованно прочитал ещё и ещё эти строчки, потом повалился на траву и, заложив руки за шею, смежил глаза.

— И шо вони роблють, а? — проговорил он. — Ведь вот какая земля-то хорошая!

— Ты о чём? — не понял Улыбин и посмотрел на товарища.

— Та всё про неё, про войну. Когда не будет народ всевать друг с другом?

— Тут сложная штука, Гудзя... Надо знать историю возникновения человеческого общества... Противоречия... Хочешь я с тобой буду беседовать? У партэрга

есть книги... Начнёшь читать книгу по истории нашей партии. Хорошо?

— Договорились, старшина...

Во взводе давно полюбили этого здорового увальня, с ясными голубыми глазами, и каждый старался передать ему долю своих знаний.

Гудзя поражал часто товарищей такими странными «фортелями», как говорил Супрун. что взвод со смеху катался по траве.

Однажды Гудзя дежурил на кухне. Понадобилась съезжая вода. Итти нужно было недалеко, к роднику. Гудзя взял ведро и пошёл. Вдруг через минуту, запыхавшийся, бледный, он возвратился обратно.

— Что такое? Почему без воды? — спросил повар.

— Не могу, — опустил на камень Гудзя, вытирая платочком вспотевший лоб.

— Так, не могу и только...

Как ни бились, он ничего не сказал.

Вечером весельчак и гармонист Вася Мальцев, тряхнув чубом, подсел к Гудзе и начал с ним пустой разговор. Перебросился шуткой, анекдот рассказал. Гудзя расхохотался. А через минуту Вася сам катался по траве, хватаясь за живот, не в состоянии вздохнуть от смеха. Он вскочил только тогда, когда повар ухватился за черпак с водой и решительно пошёл на него.

— Говори, чорт вихрастый, а то оболью!

— Кошка... Понимаешь? Обыкновенная кошка, только чёрная...

— Да говори ты толком!

— Ну, значит, бежит оно, бедное создание, ему через дорогу... А примета тяжёлая... Вдруг на мину наскочишь или из-за камня треснет кто...

— Не ври! — вскочил Гудзя и сжал кулаки. — Я не боюсь мины... Я не боюсь... а просто... Люди ж верят.

Ребята стали серьёзными. Вася посмотрел на него укоризненно.

— Такой большой, а чепухе веришь. У нас и старухи давно верить перестали в такое...

— Вот и у нас так было раньше, — говорит ему старшина. — Верили многие, что в понедельник нельзя

начинать новое дело, — не повезёт — день тяжёлый. Верили, что всё создано кем-то, что переделать уж по-своему нельзя. А про Мичурина слыхал?

Гудзя просиял, вскочил.

— Як же, слыхал! В первый же год при Советах из России садовод учёный был у нас. Он про мичуринские сорта говорил. И выводить думал, да война помешала...

— Мичурин вывел новые замечательные сорта. А сейчас мичуринцы даже на севере выращивают фрукты. Значит можно переделать природу?

— Да.

— Когда, Гудзя, человек свободен от всякой чепухи, тогда он способен на большие дела. Тогда человек сильнее становится.

Как-то прочитал Гудзя взятую из полковой библиотеки (было это уже под самой Веной) небольшую книжку про подвиг Матросова. Долго ходил пасмурный и неразговорчивый. Потом признался Никите:

— Вот разве ж его остановить было, когда пошёл он на такое смелое дело?

— А как ты думаешь? — ответил вопросом же старшина.

— Ничто б его не остановило.

— Да. А кто может пойти на такое?

Гудзя выпрямился. Глаза его сверкнули.

— Я бы мог...

— Нет, тебя кошка испугала б, Гудзя... На такое дело идут те, кто превыше всего считает общее государственное дело. Это благородные люди.

Гудзя стоял, опустив голову, красный от смущения.

Он старался избавляться от веры в предрассудки. Иной раз ради озорства кто-нибудь крикнет:

— Эй, товарищ Гудзя, баба с пустыми вёдрами идёт, вернись! Не повезёт!

Гудзя усмехался:

— То предрассудок, не обманешь...

Или кто-нибудь начнёт про сон врать:

— Иду, вдруг, знаешь, яма. Я в неё — бац! А там — собака. Да как хватит за штанину. К чему бы, а? Неужто плохо?

Гудзя весело отвечал:

— Сон в руку. Побачь який у тебя автомат, как раз от старшины наряд отхватишь!

Это пробуждение человека радовало ребят. Много было для него непонятно и ново и вопросам «почему» да «как» не было конца.

Однажды он спросил старшину:

— Что такое соревнование? Конкуренция или как там?

— Конкуренция — это когда один другого старается к ногтю...

— Да, да... У нас в местечке был такой парикмахер Юшка. А второй Петро. У Петра было заведение на базаре. Юшке завидно было. А был в местечке богач-мельник Хвычко. Парубок с меня. Брился он у Петра, а был угрюмый, та весь аж синий. Вот ему и говорит Юшка: «Тебе, Хвычко, Петро бритвой лицо испортил. Заразу на лицо занёс». Тот подговорил хлопцев, они горилки надулись и раскатали петрово заведение. Всё перебили. Так и не поднялся больше Петро. А Юшка построился тогда на базаре. Это и есть конкуренция?

— Вот это самое, — подтвердил старшина. — У нас конкуренций быть не должно, а на счёт соревнования ты ж вот читал в истории. А ну, давай найду тебе, что сказал товарищ Сталин об этом.

Старшина взял книгу, перелистал внимательно.

— Вот смотри: «Один работает хорошо, другой — лучше. Догоняй лучшего и добивайся общего подъёма. Понял? Это нужно, чтоб росло у нас производство. Вот пример. Алексей Стаханов давал за смену сразу несколько десятков норм. Все угольщики стали равняться на него, а вскоре многие из них перекрыли даже самого Стаханова. А как разрослось это движение! По всей стране, во всех отраслях хозяйства. Понял?

— Понял. А коли б Стаханов на дядю работал, — хитро посмотрел на старшину Гудзя, — стал бы он так стараться?

— Даже если б и добился такого рекорда, движение не охватило б шахты других хозяев. Стаханова б засекретили.

Гудзя с любопытством посмотрел на старшину, уверенно качнул головой.

— То правда.

Около одного господского имения, под Веной, разведка попала под перекрёстный пулемётный огонь. Трёх человек убило. Никиту ранило в руку, Гудзю в левое плечо. Их положили в один госпиталь.

В конце апреля, когда особенно хороши дни вблизи Австрийских Альп, Никита впервые встретился с Гудзей в саду. Старшина похудел, левая рука его висела на подвязке, правая щека и бровь краснели швом большого рубца. Гудзя, выставив загипсованную ногу, сидел на скамье и смотрел сквозь белоснежные ветви миндаля в далёкое голубое небо. Лицо его было бледно, обросло рыжей бородой. Встреча обоих встряхнула.

— Ну, как? — спросил Никита, хлопая по плечу и обнимая однополчанина.

— Ох и нема чего сказать! — За один день там, — он указал в сторону фронта, — весь госпиталь отдал бы, со всеми процедурами!

— Не говори, — согласился старшина. — Такая тишь... У нас сейчас за Катунью ручьи во-всю звенят, — вздохнул он и вдруг, вдохновляясь, заговорил горячо, взволнованно. — А горы, вот такие ж, курятся теплом. Только здесь миндаль, а у нас в селе — черёмуха, берёзки...

Он прищурил глаза. Видение родного села в дымке воспоминаний вставало перед ним. Потом, вспомнив, очевидно, о самом близком, он улыбнулся.

— А на дворе колхозном сейчас... Ух!.. Гудит, звенит с утра и до ночи... Ухает в кузнице. Пробуют свою мощь трактора... Дед Пахом Свиридович, наверное, измочалил свою кобылёнку, бегая по полям: за таянием снегов наблюдает он у нас. Сердитый старик. Борода — за опояску заткнута. Глаз из-под бровей не разглядишь... Прилетит с поля, бывало, на двор и на бригадиря отряда: «Такой-сякой не мазаный, почему не выезжаешь!» Бригадир нарочно вскочит и по швам руки вытянет, рапорт отдаёт ему. Неужели нет в живых ребят? Мы до войны большие планы имели — всё механизировать. Осушить Камышенку. Организовать подсев трав. Электростанцию свою соорудить... Помешали сволочи! — старшина сплюнул и замолчал.

Гудзя сидел, подавленный, очевидно, тяжёлым вос-

помином. Но когда рассказывал Никита про родное село, он вострепел. —

— Уже и у вас весна на Катуні? — удивился Гудзя. Никита хлопнул его по здоровой коленке.

— Ещё какая! Верно, без этих вот цветов пока, — он подал ветку миндаля. — И без этого приторного запаха. Здоровая, ядрёная. С утренними заморозками и вечерним ещё ледком. Дышишь — и не надышишься... Уже земля отошла. Проталины всё больше и больше. Скоро пахать.

Он мечтательно посмотрел вдаль.

— Есть мечта у меня теперь: стать комбайнером. К нам перед войной пришли в МТС три «Сталинца»... Вот машины, скажу тебе! Чудо — не машины. Технику в селе осваивали все парни и даже девушки. Вечерами, бывало, зимой сидим в читальне — агротехнику разбираем, машины... Вот жизнь, товарищ Гудзя! Дух захватывает от того, что боишься отстать от неё!

Гудзя тяжело вздохнул. Никита вострепел, хлопнул его по плечу, весело сказал:

— Не вздыхай тяжело, не отдадим далеко... Расскажи-ка про своё село, про жизнь... Или вот о чём: как встречали Красную Армию впервые.

— Я запомнил хорошо, как мой хозяин Гундаренко (был такой спекулянт-богач) подошёл ко мне и говорит: «Здорово, Иван... Наплюй ты на ту проклятую работу, в лес не убежит... Идём до хаты, горилки по чарке хватим: Червонна Армия идёт». Вот гад! Затрясся, как трясогозка перед тучей... А допрежь за весь день и не подойдёт... Да ещё говорит: «Наше освобождение... Счастливая жизнь будет». Оно верно: настала счастливая жизнь. Землю мы получили, а Гундаренко сослали. Только сын его убег... Он-то и был у бендеровцев, которые мою мать и хату уничтожили...

Иван замолчал.

Никита обнял его за плечи.

— Мы ещё поживём, Иван... Поработаем...

...Вечером, счастливо смежив глаза, Никита мысленно докладывал парторгу: «Товарищ старший лейтенант! Ваше поручение я выполнил. Получайте человека... Разрешите взять на себя более ответственную задачу?» «Говорите!» — сказал парторг. «Я хочу подго-

товить его в партию». «Ну, что ж, — улыбнулся тот и протянул Никите руку. — Хорошее вы дело задумали, товарищ Улыбин. Желаю успеха...» И вдруг вместо парторга откуда-то из лучезарной дали кивнул ему отечески и улыбнулся Иосиф Виссарионович... Он спокойно подошёл к старшине и сел на койку. Приглаживая одной рукой седеющий ус, раздельно сказал: «Нам хорошие люди нужны, товарищ Улыбин... Постарайся, поработай, да и сам с победой возвращайся домой... На большие дела вы будете нужны дома. Очень на большие... Ну будь здоров... Мне ещё у других побывать надо...»

Никита открыл внезапно глаза и вскочил. Сердце гулко стучало, готовое выскочить. Он осмотрелся вокруг не веря, что вздремнул... Так явственно было обаяние этой встречи. Взволнованный радостным видением, он присел к окну и долго сидел в каком-то оцепенении, вызывая снова и снова тёплую улыбку вождя в своём воображении.

«Пусть это сон, — подумал Никита, вглядываясь в апрельскую темь и сжимая правой рукой косяк окна. — Но я всё равно доложу Вам, что гвардии старшина Никита Улыбин на любую задачу готов... И мне тоже кажется, что пойдём мы после этой войны на невиданные дела. Почему? Да потому, что человек на войне ещё пуще полюбил и оценил мир... Я про себя скажу: бил я их, фашистов, много, три ордена боевых имею... А почему? Потому — не тревожь нашу мирную жизнь!»

Никита часто задумывался над дальнейшей судьбой Гудзи. Он старался вообразить себе его деревеньку. Первые годы ломки старого быта. «Одним словом, им начинать всё сначала придётся, — думал старшина и боязнь вкрадывалась: — А не откачнётся? Не засосёт его обывательщина? Женится. К хозяйству потянется личному. Разве твёрдо он на ногах стоит? Всё ещё в нём шатко и валко. Конечно, он научился распознавать врага, и ненависть в нём сильна к нему. Да разве этого достаточно?»

Так не раз думал Никита Улыбин.

Вот и сегодня. Он вышел в сад. Над Альпами полыхал закат. Деревья казались розовыми. Родник бежал

в красноватых блёстках и, казалось, будто растеряли где-то в долине свои лепестки какие-то чудесные огненные цветы.

«Провести б его по всей нашей стране с запада и прямо до нас на Алтай. Посмотрел бы он её, великую, из конца в конец. Увидел бы, какую Родину приобрёл он! — подумал старшина. — А может, так и сделать? Вот кончится война скоро. Домой поедет. Уговорить его на Алтай съездить. Пусть поживёт в настоящем хорошем окружении... А потом можно и домой отпустить...»

Никита так обрадовался своей мысли, что в тот же вечер решил встретиться с Гудзей.

Он нашёл его около кладовой под густым кустом орешника, за очень странным занятием: перед Гудзей стоял небольшой чемоданчик из красной кожи (Гудзя прихватил его вместе с венгерским полковником, которого взял в плен с легковой машиной). Около чемоданчика — стопки чёрных пакетиков. Их-то и просматривал Гудзя. Увидев перед собой старшину, Гудзя растерялся. Никита нагнулся и взял один пакетик.

— Что это? — удивился он.

— Так... мелочь, — смущённо пробормотал Гудзя.

— Да нет. Ты уж говори, брат, прямо. Не вилай. — Улыбин сорвал этикетку, пакет раскрылся и из прореза чёрной хрустящей бумаги выглянули головки... машинных иголок.

— Иголки? — удивился старшина.

— Они.

— И... много? — бледнея проговорил Никита.

— Пятьсот тысяч.

— З-з-ачем?

— Гол ведь я, Никита Иванович, — но, встретив колющий взгляд старшины, поправился: — товарищ гвардии старшина.

— Ну?

— А у нас, говорят, они по рублю штука. Та я не хочу того... Я б... по 20 копеек пустил.

— Та-ак, — прохрипел Никита и сел на лавочку. Настала тяжёлая гнетущая тишина. — Гроши, говоришь?.. Та-ак...

Он не мог говорить больше. Свирепая ярость жгла

его сердце. Ярость человека бессовестно обманутого в своих надеждах. «Рано, рано ты, Никита Иванович, расхрабрился с выполнением поручения, — зло подсмеивалась ядовитая мысль. — Вот оно, снова всё вылезло из его нутра... Начинай сызнова».

И вдруг над ухом — спокойный, недоуменный возглас:

— Товарищ старшина! Чи обиделся?

Никита резко вскочил и с ненавистью проговорил:

— Не обиделся... Нет! Я б тебя... Я б тебя...

Гудзя отшатнулся, побелел.

— Ты что ж, тем самым Гундаренко хочешь стать? — прошипел старшина, сжимая кулаки. — Тем самым паразитом, который гнул в три рога всю Старую Гужу? Эх ты... душонка!

Старшина сплюнул с презрением в сторону.

— Чего ж ты нам мозги крутил?

— Я? Вы зря на меня так, Никита Иванович!

— Чего там зря! Ишь — 20 копеек за штуку!

Гудзя вспотел. Он тяжело дышал, лицо его пылало.

— Ты подумай, куда ты метил? Обставиться. Обгородиться. Скотиной обзавестись. Да ведь это что? Это — капитализм... Частная лавочка... За что ж ты воевал?.. Ты вот посмотри, как мы жили и на фронте — как одна семья. А почему? В чём наша сила?

— Я знаю. Я знаю, Никита Иванович, — пробормотал Гудзя, отирая лицо.

— В чём?

— В коллективе...

— А ты куда идёшь?

— Но ведь я ж для начала... Чтобы, значит, зацепиться... А потом...

— На чём? На спекуляции зацепиться?

— Получается... Получается так...

Гудзя молниеносно схватил чемоданчик, и не успев ещё сообразить Никита, что он хочет делать, подскочил к железной оградке, проходившей по крутому берегу Равы, и вывалил через неё содержимое чемодана.

* * *

Вот и отвоевались. Весёлый нарядный поезд стоит — у одного из вокзалов Вены. Наверное, такие же поезда

стоят в этот день в Берлине, в Будапеште, в Праге и в других столицах и городах освобождённой Европы.

У вагонов суeta. Провожанье, наказы, приветы.

«Неужели... домой? Неужели всё-таки так, чорт возьми!» — думал, чувствуя трепещущую в сердце радость, Никита Улыбин, оглядывая из вагона большую толпу собравшихся.

У подножки вагона, не сводя глаз со своего прежнего командира, стоят молодые разведчики. Сколько пройдено, пережито вместе! Только по горящим щекам да тепло искрящимся глазам можно понять, каково состояние душ провожающих и отъезжающих. Даже разговоры как-то не клеятся... Только изредка у кого-нибудь сорвётся:

— Э-эх! Давай, братва, по последней!

И сверкают дюралюминиевые портсигары, щелкают крышками. То там, то здесь всплывают сизые струйки дыма над кучкой собравшихся выкурить прощальную трубку. То вдруг кто-нибудь скажет после долгого многозначительного молчания одно единственное слово, скажет с чувством, с глубоким вздохом:

— Да-а.

И всем ясно, каждому понятно в его интонации то самое, о чём он думает, но переживает и понимает по своему. В этом коротком слове слилось многое: и тысячевёрстные военные дороги, и мечты о победе, и далёкая в тот миг, но ставшая ещё прелестней и привлекательней дорогая Отчизна, и родной дом, жена, невеста, наконец, то, что мы называем дружбой, но что никак не вмещается в обычное понятие этого слова. Не у каждого прошла она сквозь такие испытания. Не каждому дано на земле понять её незримые родники...

Вот почему и кажется необычным это расставание. И нет слов, чтобы сказать то, что хотелось бы.

Никита, в новеньком с ног до головы обмундировании, с орденами и медалями во всю грудь, уложив свои пожитки и гостинцы, спрыгнул вниз к ребятам, которые тотчас его окружили. Что-то долго не показывается Гудзя, демобилизованный тоже по тяжёлому ранению (кость левой ноги так и не срослась правильно. Ходит теперь Иван немного прихрамывая).

— Где-то наш хроменький? — улыбаясь в короткие

русые усы, сказал Никита, оглядывая из-под руки перрон. Разведчики разом посмотрели в ту же сторону. Гудзя начал позднее оформляться, но они договорились, что Никита займёт место в вагоне и для него.

Пришёл парторг вместе с Гудзей. Лейтенант был заметно расстроен.

— Уезжаете, — сказал он, лохматя свои квадратные вылинявшие брови. — Ну, смотрите, не роняйте своей гвардейской чести дома. Это первое. Кланяйтесь Родине от всех нас — это второе.

Никита почувствовал, как у него перехватило горло. Отвернулся. Сдержался. Подошёл к парторгу и, обняв его, поцеловал при всех. Тот растроганно проговорил, пряча глаза:

— Ничего, ребята, бывает... Вот задержал я Гудзю. Беседовали...

— Товарищ лейтенант, — обратился старшина. — Мы договорились с ним так: заедем к нему, погостим, а потом — на Алтай вместе. Для него полезно будет посмотреть и Родину и жизнь настоящего колхоза.

— Он мне говорил... Действуйте так, как подскажет вам обстановка. Будьте в своих решениях не опрометчивы.

Подали паровоз.

* * *

...День был хороший, тёплый, хотя и стояла уже глубокая осень. Никита с Гудзей только что сошли с поезда и прилегли в дубняке, на его листве, будто на мягкой перине.

Вдали светлой полоской прорезалась водная ленточка, а за ней — белые мазанки небольшой деревеньки, пожелтевшие кроны садов. Гудзя всё вскакивал и смотрел, волнуясь, на село.

— Ну вот мы и на твоей родине, — сказал Никита. — Соскучился?

— Да не могу дышать, Никита Иванович!

— А к кому мы? К сестре? На её квартиру?

— Пошли, пошли, Никита Иванович!

Они взвалили свои ноши и, раздвигая ветви деревьев, зашагали напрямик.

Деревня казалась вымершей. Но стоило им показаться в улице, как сначала по одному, потом по два, бросая всё, выскакивали на улицу жители.

Иван кивал головой то вправо, то влево, громко выкрикивая:

— Здравствуйте, земляки! Добрый день, Окся! Дед Мирон, здравствуйте!

— Кто это? Кто?

— С каких мест будете? Заходите до хаты!

— Здешний я, тётка Ариша, Иван Гудзя... Вот я. Ну бачете?

— Ой, лишенько! Ванко! — всплескивают руками женщины. — Ванко Гудзя!

— Гудзя — командир! С наградами пришов!

— Ходимте, ходимте до нас!

Расстроился Никита, посмотрел на Ивана, а тот стоит столбом, слёзы ручьём катятся по его щекам. Плачет, сдёрнув с головы фуражку, а губы шепчут беззвучно:

— Спасибо... Спасибочки, земляки!

Олёнка жила у дальней родственницы, в маленькой комнатушке с земляным полом и одним оконцем, выходящим в сад. Тут же стояла на квартире молоденькая учительница.

Когда старшина и Гудзя подошли к домику тётки, вышла им навстречу высокая сухая старуха. Она беззвучно зарыдала и повисла на шее Гудзи.

— Ох, Агриппина, Агриппина, — скорбно говорила она. — Не дожила ты до ясного дня. Злые вороги захватили тебя навечно...

Она выговаривала эти тяжёлые слова медленным речитативом, и крупные слёзы катились по её морщинистым щекам.

— Маты, маты, — шептал Гудзя и, сжав зубы, смотрел куда-то поверх деревьев.

Вышла молоденькая девушка. На ней было лёгкое платьице, облежавшее её хрупкую фигурку. На ногах — белые спортсменки. Она радостно всплеснула руками, вскрикнула и бросилась к Гудзе.

— Ванко! Ванко!

Гудзя, освободившись от старухи, которая качая головой и что-то шепча беззвучно, уже шла притихшая

к дому, схватил девушку, приподнял её от земли и прижал к своей могучей груди.

— Олёнка, Олёнушка...

Старшина отошёл в сторонку. Сложное чувство волновало его. Это была и радость встречи и горечь воспоминаний. Было что-то такое, от чего щипало и покалывало сердце.

— Никита Иванович! Никита Иванович! — услышал он голос Гудзи. — Куда же вы?

Старшина обернулся. К нему, держа брата за руку, шла Олёнка. Она настороженно посмотрела старшине в глаза и подала руку:

— Здравствуйте, Никита Иванович. Спасибо вам за всё... Если вы не маёте ничего против, я вас як брата поцелую...

Никита обомлел. Помычал что-то. Он неловко нагнулся к ней и тотчас ощутил на щеке её поцелуй.

Она взяла его за руку. Рука её была маленькая, но упругая, сильная.

— Пошли до хаты... Ой, яка ж радость! Ванко, це ты?

— Я, Олёнка! Я!

— Ой яке щасте! Ванко! А какой мы вечером хоро-вод у озера устроим! Верно?

— Верно, Олёнка.

— А вот бежит и моя сестра, Ванко!

По улице шла в лёгкой соломенной шляпке стройная девушка. Волнистые локоны, цвета распушённого ковыля, спадали на её плечи. Она была повыше Олёнки.

— То Галина Петровна? — волнуясь почему-то, спросил Гудзя.

— Она, моя сестричка названная, она! — радостно закивала головой Олёнка и пошла ей навстречу. Галина Петровна подошла, оглядела гостей, вспыхнула почему-то и поздравила с приездом.

— С победой, — сказала она. — Какое счастье, что до нас зараз два общественника прибыло... Ведь вы тоже? — шевельнула левой бровью Галина Петровна в сторону Никиты. Он заметил, как внимательно и настороженно глянула на него Олёнка.

— Я из Сибири... С Алтая я, — сказал Никита. — Вот к другу заехал...

— Жаль, жаль, а то бы мы вас запрягли!

— Ой, Галочка, что вы такое говорите!

Все засмеялись и пошли в дом.

...Очень расстроился Никита. Понравилось ему радушие сельчан, их гостеприимство. В тот же вечер пошли они к озеру, куда попрежнему сходились девчата и парни. Игры их понравились — весёлые. А как посмотрел дня через два поля — клочки небольшие, кукуруза да подсолнух — в пот ударило. Вот куда трактор! Да чтоб под весь клин, ни одной межи!

...Председатель Совета, энергичный, молодой, лет тридцати, мужчина, сутуловатый, с висящими, как у Тараса Бульбы, усами, не отходил от Гудзи... Расспрашивал, настроение выпытывал... Вечером собрались в Совете. Учитель пришёл, Галина Петровна, единственная пока комсомолка на селе, избач... Один инвалид Отечественной войны, пожилой мужик с нервным злым взглядом. Вот и весь актив.

— Тихо сейчас? — кивнул в сторону гор Гудзя.

— Есть несколько отщепенцев... Бродят... Но скоро переловим...

Никита видел, как яростью вспыхнули глаза Ивана и подумал: «Здесь начинай всё сначала».

— Ну, а народ?

— Народ хороший — сами видели... Для начала в колхоз уже есть семей тридцать... Остальные жмутся. На лес, на горы поглядывают — напуганы страшно этой сволочью. Но велика беда — начало... По району уже несколько колхозов организовалось. Трактора и другие машины идут...

— А где же молодёжь? — спросил Никита. — Сейчас бы в читальню, да лекцию или что-либо другое культурное организовать...

— Актива маловато... Раз, два и обчёлся. Приходили два красноармейца... Ты их знаешь, товарищ Гудзя, — Бузенковых Степан и Глыба Павел.

— Знаю, как же! Ну?

Не понравилось... «Глушь, — говорят, — поедem ближе к центру». А попробуй их задержи... Я думаю, вы не сделаете этого?

Все посмотрели на Гудзю, а он густо покраснел.

— Не пустим, — сказала, решительно тряхнув локонами, Галина Петровна. Сказала и приветливо улыбнулась ему.

— Мы его председателем колхоза порекомендуем! — сказал председатель Совета.

— Ну, как так! — смутился Иван. — Надо побачить...

— Оглядывайся, мы не возражаем. Правда, товарищи?

Все дружно и весело поддакнули ему.

... До самой квартиры шёл Гудзя молча, о чём-то думая. Никита не мешал ему: пусть взвесит всё. Здесь работы, конечно, непочатый край. Тут ломка старой деревни только начинается. Кипуча и деятельна должна быть работа актива.

У самой хаты Никита толкнул локтем молчавшего товарища:

— Какова Галина Петровна, а? Что-то она за тобой строго присматривает.

— Ну что вы. Никита Иванович. Я ж малограмотного десятка, — блеснул светлой улыбкой Гудзя.

— Научит, — уверенно сказал Никита. — А глаза... Ух! Хороша дивчина, Иван!

— Да шо вы в самом деле, Никита Иванович!

— Вот тебе и шо...

* * *

— А знаешь, Иван, — сказал как-то вечером Никита, взяв друга под руку. — Из такой деревни, где требуется приложить столько сил и стараний, чтоб вывести её в люди — стыдно убегать!.. — Берись за работу по-нашему... Только не поскользись, не упади... Большая ответственность перед народом, перед партией и Советской властью будет... Помни об этом всегда... А то у тебя нет-нет да отрыгнётся старое.

Гудзя опустил голову, вспомнив случай с иголками.

— То безрассудство было, Никита Иванович... Я понял свою ошибку...

— Хорошая у тебя есть черта, Иван. Ты береги её. Это — откровенность.

Иван крепко сжал руку друга.

...А через неделю от полустанка Старая Гужа отошёл пассажирский поезд, увозя Никиту домой. Было грустно и тяжело видеть, как отойдя от перрона, на котором остались молодая девушка в кудряшках и сутулый, усатый председатель Совета, долго шёл за поездом Иван Гудзя. Шёл и махал рукой, вконец расстроенный тяжёлым расставанием. Рядом с ним шла и махала рукой Олёнка.

А поезд — ему нет дела до людских горестей и печалей — всё быстрее и быстрее уносил Никиту от маленького полустанка...

II

Повесть эта возникла так. Мы только что сдали с Никитой экзамены по основам марксизма-ленинизма и оба в приподнятом настроении вышли из института. Вдруг Никиту окликнули. Мы остановились. Девушка из канцелярии подала ему телеграмму. Никита быстро сорвал бандероль и, пробежав её глазами, вдруг сгрёб меня в охапку и закрутил на площадке.

— Стой, стой! — взмолился я, чувствуя как трещат мои кости.

— Да ты полюбуйся! На, почитай! На!

Я прочёл:

«Едем целой бригадой Алтай экскурсию. Берегись Олёнка месяц живёт без твоих писем. Достанется Гудзя».

Я непонимающе пожал плечами.

— После! После! — схватил меня Никита. Бежим звонить в райком, в колхоз... Надо предупредить! Ты подумай только откуда едут гости-то. Из самой Западной Украины... Гудзя — председатель колхоза. Э, да тебе так ничего не понять... Я тебе непременно расскажу.

И он рассказал то, о чём было написано в этой повести.

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Поля щетинились побелевшей стернёй. Гуляли ко-
согорами холодные ветры. Не замолкая ни на час,
тракторы поднимали зябь. Могучий гул стоял над поля-
ми. Утрами выпадали заморозки, и тогда гул тракторов
особенно сильно слышался в селе.

И хоть давно привык к такому гулу машин капитан
танковых войск Николай Прибытков, прибывший в
краткосрочный отпуск в родную деревню, — а вот уже
которое утро соскакивает на заре, словно по боевой
тревоге. Соскочит, подойдёт к окну, улыбнётся в усы —
вот как научились работать!

За окном, в широкой долине, до самых гор чёрными
коробками то сходились на гонах, то расходились в
разные стороны тракторы.

В то время, когда Прибытков был ещё простым де-
ревенским парнем, такого разворота работ не было.
Здесь тогда в эту пору во-всю стоял обмолот. Един-
ственный трактор, который водил он, едва управлялся
крутить молотилки.

В такой-то ранний час утра и явился к Прибытко-

вым дед Матюша. Голос его, бодрый и чуть насмешливый, донёлся до капитана из кухни. Старик справлялся о нём.

Перед капитаном тотчас всплыл образ старика. Матюша был низенького роста, с бородкой пепельного цвета, хитроватыми небольшими глазами и весьма подвижным лицом. По материнской линии приходился Матюша Прибыткову какой-то дальней роднёй. Но раньше не знал его Николай, потому что совсем недавно переселился дед из Приморья на Алтай. Встретился с ним впервые в хмельные дни встречи. Гуляли у одного из многочисленных свояков. Матюша или, как его прозвали, Полундра — за частое упоминание этого морского термина — всегда оказывался на виду у всех. Быстрый, юркий старик всюду находил себе дело. Пойдут ли плясать — он уже в кругу, с уханьем и присвистом отрывает присядку, станут ли обносить пивом, у него уже торчит из-под руки пенная четверть, а с языка готова сорваться приличествующая случаю присказка.

— Держись, за мной в кильватер, — шептал, прикасаясь к уху капитана мокрыми усами Матюша. — Знаю, где козлы якорь бросают. Знаю, голубь!

Матюша в японскую войну служил на корабле. Что он там делал — никому неизвестно. Не любил он и сам о том рассказывать. Только иногда поражал он женщин богатыми познаниями в кулинарии, приоткрывая этим завесу над своей таинственной флотской специальностью. Крылатое матросское слово — полундра — приобретало у него десятки оттенков — от ласкового до ругательного.

Мысль об интересной охоте захватила Прибыткова, и он старался держаться в «кильватер»... А держаться так, боясь ежечасно потерять старика в весёлой суматохе встречи, пришлось почти всего неделю...

И вот, наконец-то, Матюша пришёл сам...

Быстро одевшись, капитан вышел на кухню. Мать укоризненно посмотрела на него.

— Отдохнул ли, Коля?

— Полундра! Так проспать всё на свете можно! Слушай ты их, старух! — воскликнул Матюша. — Молодец! Бывало склянки дзинь, дзинь, а ты уже по всей

форме. Да... Ну, голубь мой, выследил... Собирайся в рейс...

— Далеко?

— Под самой Камышенкой, у Белого бома. Знаешь?

— Ну как же!

— Вот там и сделаем скрадки... Собирайся, голубь. Завтра, Ульяна, не запрастывай жаровни. Козлятину будешь жарить.

— И без неё слава богу, есть что жарить, — недовольно сказала мать капитана.

— Охотники настоящие как убьют козла, — не слушал Ульяну Матюша, — так достают печёнку и съедают тут же...

— Сырую? — недоверчиво посмотрела на старика Ульяна.

— А какую же! Варёную и дурень съест... Ты вот сырую отведай...

— И к чему?

— Для охотничьего счастья. Козёл тогда, рассказывают, не чует тебя. Идёшь ты, к примеру, на него, а он — ничего. Смотрит и не уходит: вроде свой дух в тебе слышит. Ну, готов, голубь?

Отпуск в родном краю капитан и не представлял себе без ружья.

Всё было здесь знакомо до мелочи и радовало глаз неожиданными изменениями.

«Мост через Землянушку? Его не было раньше, — отмечает про себя приятно изумлённый капитан. — А это что там у первой бригады на увале? Неужели ветродвигатель? Зачем?»

— Умнейшая выдумка, — говорит Матюша, кивая в сторону ветродвигателя. — Солому режет, качает воду почём зря....

— А там, что это блесит за увалом? — воскликнул Прибытков и вдруг вспомнил, как три года назад писала мать об открытии колхозного пруда. — Так вот он какой!

— Да, был ключик... Умный человек, агроном, подсказал... Пробурили скважину и вот — хоть флотилию строй! Раздолье!

Было очень приятно сознавать, что и твои земляки, в далёком алтайском селе, не отстают от жизни.

« Тем, очевидно, мы и сильны, — подумал Прибытков, — что в ногу с жизнью шагают у нас не только центры, но и бывшие «медвежьи углы».

...Когда взошли на увал, за которым белели камышевые заросли, солнце ещё было высоко. Решили отдохнуть на заправочном пункте. На зелёном клинышке отавы, облитой местами масляными пятнами автола, стоял трактор. Рядом возился у бочек высокий молодой парень в ватнике и армейской шапке.

Прибытков с любопытством взглянул на машину, и далёкое воспоминание всколыхнуло его. Он огляделся. Далеко вниз до самого села бежали чёрные отвалы глубоких борозд. Огромный массив вспаханной земли лоснился в лучах заходящего солнца.

Когда-то и он, вот таким же безусым парнем, первым из сельской молодёжи повёл колёсный трактор в поле. Было это в праздник, в воскресенье. На тракторе сидели члены правления колхоза, а сзади шло всё село. Казалось, было это вчера, а сколько сделано за это время! Какие машины теперь работают на колхозных полях!.. Он посмотрел на «АТЗ-НАТИ», подумал: «Что твоя тридцатьчетвёрка!»

— Какая норма сейчас? — спросил он тракториста. Тракторист беспокойно взглянул на бензомер. Долил ещё и только тогда, поставив ведёрко к бочке с горючим, вытирая руки о фартук, внимательно посмотрел на капитана.

— Норма теперь по количеству отработанных смен, — сказал он и подмигнул весело.

— А урожай? — не понял капитан.

— Само собой. Прибавка или снижение...

— Ну и как?

— Лучше... На часы смотрим, — он действительно вытащил часы и, взглянув на них, воскликнул: — Вот уже и отстал от Сёмки на полчаса!

Капитан посмотрел влево. Там, огибая озеро, быстро шёл трактор.

— Дай ручку. Садись! — сказал Прибытков, передавая двухстволку Матюше.

— Только смотри: может по бороде съездить! — предупредил молодой тракторист, берясь за рычаги. — Рывком книзу.

Прибытков улыбнулся и взял заводную ручку.

Как только трактор зарокотал, лицо тракториста вытянулось, стало напряжённым. Кивнув капитану, тракторист бросил машину вперёд, потом круто, на одних гусеницах, повернул влево и, убыстряя ход, пошёл к плугам, оставленным в борозде.

Смотря ему вслед, Матюша сомнительно качнул головой.

— Она ещё ведёт его...

— Кто? — не понял капитан.

— Машина. Видал, с каким страхом смотрит вперёд? Будто кто замахнулся на него.

— Молодой, — согласился Прибытков. — Научится.

— Знамо дело, — сказал старик. — Ну, голубь, поплыли... Вон видать холмик!

— Это Белый бом! — узнал тотчас капитан.

— А вот, чуть ниже — подсолнух... Там будем маскироваться... Поплыли.

До темноты сделали из подсолнечных стеблей два шалашика. Один слева, другой — справа. Залегли. Закат прогорел без летних жарких красок — бледно и быстро. Краски где-то погасли в серой толще грязноватых холодных туч. Тотчас начало смеркаться. Прибытков до боли в глазах смотрел в сторону камыша. Другой раз казалось, что вот они расходятся, что-то серое, сумрачное появляется впереди них. Капитан сжимал ружьё и подносил его холодное ложе к щеке. Но призрак рассеивался, и снова явственно колыхался камыш да Белый бом поблёскивал солонцами одиноко и холодно. Козлы не приходили.

На рассвете дед Матюша вылез задом из своего укрытия. В бороде его торчали былинки. Собираясь в обратный путь и перепоясывая свой полушубок, Матюша уверенно говорил:

— Врёшь. Не на тех нарвались, чтоб обмануть. Ещё злей будем...

— Не разоблачили они нас в этих шалашах? — высказал сомнение Прибытков.

— Не должно. Можно пораньше придти...

...Три ночи подряд высидели охотники в своих шалашах, а козлов так и не видели. Раззадоривая охотничью страсть, трактористы рассказывали:

— Выйдут из камышей целой семейкой и пасутся, не обращая на нас внимания, словно домашние.

— Сегодня придут, — сказал Матюша. — Сердце чует. Ну, гляди, Николай Терентьич, в оба. Не зевай...

Прибытков рассеянно посмотрел в сторону Камышенки.

— Пришли бы только...

Старик перехватил его взгляд.

— Не веришь? Сумлеваешься? Полундра! — крикнул Матюша, решительно вскидывая ружьё на плечо. — Пошли, пошли. Полный вперёд!

Проходя мимо знакомого тракториста, Прибытков кивнул ему:

— Жмёшь?

— Остались вот эти две полосы, одна у подсолнуха, другая — вон у развилки дорог, — блеснул тот ровными мелкими зубами в улыбке.

— Если помешаю вам здесь, могу туда уехать, к развилке. Там на ночь хватит мне, — добавил тракторист.

Прибытков посмотрел на старика. Тот махнул рукой:

— Не должно. Они к гулу привыкли.

— Смотрите, а то мне ведь всё равно...

— Давай дуй по соседству, веселее всем будет.

Тракторист запустил машину. Прибыткову показалось, будто в рокоте мотора пробивался какой-то чужой звук. Он проводил глазами трактор, прислушался. Машина работала хорошо. «Показалось», — решил капитан, залезая в шалаш.

Ночь опустилась холодная. Камыши шуршали издали неприветливо, глухо. «Придут или не придут, — думал Прибытков, лёжа в шалаше и вздрагивая от холодного ветра. — Могут и не придти... Говорят же трактористы: днём их видят на солончаке... Можно и не предпринимать им опасную ночную прогулку».

Совсем близко проходил трактор. И снова показалось Прибыткову, что с мотором что-то творится неладное. Но что — он ещё не мог определить точно. Вслушиваясь, капитан прекратил дыхание и, ничего не обнаружив, старался думать о другом.

Но как бы он не отвлекал своё внимание от машины, мысль о ней возвращалась. Вероятно, внимание

профессионала-механика было встревожено подозрением, и уже волей-неволей он стал прислушиваться к мотору.

Вдруг он поглядел на камыши, и ему почудилось что-то необычайное. Появилось новое серое пятно. Вот оно движется в сумрачном свете на лужайку, растёт, расползаясь, снова сходится в одно место. «Козлы!» — мелькает догадка. Сердце забилося гулко, будоража кровь. Приподнял ружьё и стал его высовывать сквозь подсолнечник.

На полянку вышли три бледных силуэта. Они пересекли её и пошли к Белому бому. Вот они скрылись за увалом и в следующее мгновение выросли на его хребте, как изваяния.

В это время у Матюши, зашуршав, упал шалаш. Очевидно, старик неосторожно повернулся в нём, заведя козлов. Однако дед не вылезал наружу. Он лежал под кучей подсолнечных стеблей, не шевелясь, не подавая никаких признаков жизни: так было лучше, незаметней со стороны.

Козлы вскинули головы, постояли, прислушиваясь, и снова опустили головы. «Лижут... Теперь не промазать», — взволнованно бьётся мысль. Капитан стал ловить глазом мушку. В это время трактор вернулся снова и тут Прибытков вздрогнул: мотор работал с перебоями... «Стучит! — молнией пронеслась мысль. — За один гон... Сейчас полетит коленчатый...»

Он торопливо поднял ружьё. Трактор ближе, ближе... «Сейчас... сейчас... Ах, чорт! Слеза набежала...» Он опускает руки. А мотор стучит и стучит. Вот, очевидно, трактор подходит к подсолнуху.

Прибытков на мгновение забывает о козлах. Он резко поворачивается назад и видит трактор у полосы. Сейчас он свернёт налево и уйдёт по гону... Тогда уже не успеть... Тогда аварию не предотвратить... Капитан поднимается во весь рост и, подняв на себе и раскидав шалашик, выскакивает навстречу машине.

— Сто-ой! Глуши! — кричит он трактористу.

В это время справа оглушительно бьёт выстрел. Прибытков замирает на месте, резко оборачивается: с Белого бома, словно молния, бросаются серые призраки.

Дед подымается из-под бодыльев подсолнуха.

Капитан машет трактористу рукой. Тот сбавляет газ. Подскочив к нему, Прибытков вытирает лицо.

— Фу, чорт... Напугал... Глуши быстрее!

Тракторист испуганно хватается за рычаги. Мотор глохнет.

— Подшипники... Неужели не слышишь?.. Бьёт, точно молотком по сердцу, а ты и не расстраиваешься... Давай ключи. Слазь.

...Когда подошёл дед Матюша, Прибытков, засучив рукава и уже успев вымазать своё лицо, копался в моторе. Дед укоризненно посмотрел на тракториста и, закуривая, многозначительно проговорил:

— Учат, учат их... Тьфу! И вот ведь притча, знать тому быть: «Паши, говорю, здесь. Не ездй на развилку». Как сердце чуяло. Ну, не будь нас под руками, значит, капут?

Парень виновато опускает голову.

— Не обратил внимания, — проговорил он хриплым голосом. — Вы уж меня извините, что испортил вам охоту... Что опять зря пролежали...

— Как это зря! — вскипел вдруг старик. — Ты подумай, что говоришь такое! Зря!.. Ну, не будь нас... с Николаем Терентьевичем, чтоб ты тогда?.. Что с твоей машиной стало б? С планом по зяби для колхоза?

— Это верно... Выходит не зря. Спасибо...

— То-то, голова...

Дед с размаху бьёт спичкой о коробок, бросает насмешливый взгляд в сторону тракториста. Затягиваясь глубоко и сердито, выпускает дым сквозь жёсткие рыжеватые усы.

НА ПАРОМЕ

Фросю Белкину, садовода сельхозартели «Верный путь», срочно вызывали в город на совещание.

Взволновал её не сам этот неожиданный вызов, а то, что таилось под загадочными словами Василия Поликарповича. Председатель вызвал в контору поздно вечером. Он посмотрел на Фросю, о чём-то думая, выкурил молча папиросу и только после этого скрипнул маленьким ящичком стола, достав оттуда тонкую гильзовую бумажку. Хрустнул ею в руке и сказал, весело вскидывая тяжёлые чёрные брови:

— Счастливая ты, Фрося! Поедешь на такое совещание.

Девушка поднялась и, теребя кончик платка, зарделась.

— А... там... садоводы со всего края?

— Даже кое-кто из самых больших...

Фрося удивлённо посмотрела на председателя. Постояла с минуту.

— Значит... ехать?

— Повезёт Нефёдыч на Шмеле... Готовься. Желаю успеха...

...Неожиданная догадка мелькнула уже на улице: «Неужели сам... Михаил Афанасьевич приедет?»

— Ой, может и так! — всплеснула она руками. — Значит... подготовиться надо!

Взволнованная и обрадованная бросилась Фрося к дому. «Вот и спрошу обязательно... Спрошу, почему нынче сеянцы яблонь у меня не удались... Может, всё это просто, а я и не знаю».

Деревня стучала триерами и ветрогонами. Гудели барабаны комбайнов, мелькали огни тракторов в предгорной долине...

...Выехали на рассвете и к полудню добрались до Катуня. Медленно шло время. Совсем отвыкла Фрося ездить на подводе. Всю дорогу у неё было такое чувство, когда хотелось соскочить с телеги и пуститься в запуски с конём.

Зато Нефёдыч чувствовал себя великолепно. Он деловито почмокивал губами и ласково, ворчливым голосом, покрикивал на доброго коня:

— Эй, ты! Варначина!

Когда проезжали деревни, Нефёдыч преображался. Он лихо сдвигал шапчонку на затылок, упирался левой ногой в передок телеги и, натянув широкие мягкие вожжи, то и дело заглядывал по сторонам и легонько окрикивал замешкавшихся:

— Э-ге-ге! Оглядывайся!

За колхозом «Красное поле» пошла низина, поросшая кустами черёмухи и краснотала. Фрося приподнялась на телеге, с нетерпением глядя вперёд, стараясь за широкой, пышной зеленью прибрежных кустарников разглядеть Катунь. Но реки не было видно, и Фрося с досадой садилась снова.

«Как это раньше ездили, — подумала она. — Сотни лет... Шажком и рысцой мелкой. Как ездили, так и жили — вразвалку, не торопясь».

Вдруг она заметила, как всё кругом потемнело. Лёгкий ветерок перевернул листья деревьев. Посмотрела на небо и ахнула: огромная чёрная туча надвигалась на них.

— Стой, Нефёдыч! Дождь! Сворачивай к стогу! — всполошилась Фрося, дёргая старика за локоть.

— Ах, якорь тебя! — забеспокоился старик, осадил

коня и засуетился. Фрося перебросила серый пиджачок с повядшим васильком в петлице с правой руки в левую, а правой схватив жёлтые туфли, соскочила с телеги. Высоко поднимая голые ноги на колючих прокосах, она бросилась к стогу.

— Куда ты? Решишь ноги! Постой! — закричал старик ей вслед, яростно понукая заупрямившегося коня.

— Ничего, — беспечно крикнула Фрося. — Маминь! Крепкие!

А навстречу, с ближнего увала, весело шумя, приближались первые косые нити дождя.

Старик быстро приладил на двух палках палатку. Они присели под ней. Дождь навалился тяжёлыми струями и, казалось, решил пробуровать землю. Сразу появились ручьи. Со стога весело стекали змейки воды.

— Ну, к чему, — бурчал Нефёдыч. — Вот взялся, невидадь какая! Тьфу!

— Зато пыль прильёт, — улыбнулась Фрося, всячески оберегая туфли от случайных капель. Светлая прядь волос выбилась из-под её косынки и упала на лоб. Голубые глаза её, небольшой, задорно вздёрнутый нос и полные, чуть приоткрытые губы выражали ребяческую беззаботность и шаловливый задор.

— Пыль? — фыркнул в усы старик. — Скажет.

У девушки дрогнули брови, сверкнул в улыбке ровный ряд зубов.

— Ты на него не сердись, дедушка. Он хоть и шумоватый, зато скорый. — Она высунула руку под дождь. — Ишь, уже реже!

— Всё едино — не нужен, — категорически отрезал старик, не разделяя весёлого задора Фроси. — Ему что... Он порезвился, будто молодой жеребчик, и дальше, а зерно? Целые вороха разваливай после него!

— Ты покури, Нефёдыч!

Старик посопел-посопел сердито, крикнул «итак» и стал набивать трубку.

— Грузить зерно будут с крытых токов. Пойдёт всё равно без заминки.

— Пойдёт, — протянул недоверчиво дед. — Знаю, как пойдёт... Настоятся в очереди до потёмок... Шутка в деле — десять машин...

Пока дед раскуривал трубку да ворчал, дождь перестал.

— Ну вот и всё! — воскликнула Фрося, выскакивая наружу. Отыскав лужу, она стала мыть в ней загрязнённые ноги. Старик свернув палатку, похлопал Шмеля по чёрному лоснящемуся крупу.

— Теперь давай до парома.

— И где это он, паром-то? — нетерпеливо поглядывая в сторону реки, воскликнула Фрося. Посмотрев на чистый небосвод, на котором уже появлялось из-за тучи солнце, задумчиво проговорила:

— Может, сразу одеть чулки и туфли?

— Надевай, — сказал дед серьёзно, подъезжая к каменной плитке, на которой стояла Фрося. — Там народ кругом... Босой-то вроде бы неловко. Не дома.

...По дороге, в колдобинах шумела под колёсами вода. Фрося то и дело выпрямляла ноги, чтоб не обрызгать чулок. Ещё дрожали на придорожных кустах сверкающие бусинки дождя, когда просёлочная дорога, по которой ехали Фрося с дедом, свернув круто вправо, неожиданно вышла к высокой насыпи тракта. Сразу же впереди, будто плавник огромной рыбы, сверкнула Катунь.

— Н-но! Н-но! Разглядывай! — покрикивал старик. — Смотри, дочка, где паром!

Дощатая телега загремела по галькам тракта. Фрося с волнением посмотрела вперёд. Река вырастала перед ней, поднимаясь из-за некрутых берегов.

— Идёт! Идёт оттуда! — закричала Фрося, указывая на паром. — Скорей!

— Н-но! Н-но! — беспокойно захлопал вожжами старик.

Вдруг Фрося услышала за спиной шум. Она быстро оглянулась и ахнула: из-за поворота вылетел на большой скорости, лоснясь чёрным лаком своего продолговатого тела, бензовоз и тотчас же раздался его сигнал.

— Назад! В сторону! Вправо! — закричала Фрося.

— Тпрр! Тпрр! — остановил старик. Он заторопился. Задёргал коня, запонукал, сбил его с толку. А машина уже шуршит сзади. Шмель заартачился. Около огромной лужи стал вдруг пятиться назад, залёг передок телеги.

— Ой, ой! Навалимся! — закричала Фрося и тут, вспомнив о туфлях, только хотела поднять ноги, как машина вывернулась слева и, не сбавляя хода, врезалась в лужу, окатив Фросю фонтаном брызг.

— Вот бешеный! — гневно воскликнула Фрося. — Туфли! Моё платье! Вот что он наделал! Провалиться бы тебе!

Голос её срывался от гнева, отчаяния и обиды. «И надо же было дура одеть раньше времени! Ну кому какое дело — еду и еду босиком! Как нарочно... у самой лужи остановиться!»

— У-у, чорт! — с сердцем ударил коня дед. — Затопорщился, будто век машины не видел! У-у!

А бензовоз, проехав лужу, остановился. Из кабины показалось весёлое, веснушчатое лицо шофёра. Он хотел что-то сказать, но поймав на себе убийственный взгляд девушки, смутился, глянул ещё раз в её сторону, растерянно кашлянул и, осторожно прикрыв за собой дверь кабинки, будто боясь снова рассердить её, нажал на педали.

«Вот ведь неудобная штука получилась, — раздосадованно подумал шофёр, поражённый красотой девушки. — Два взгляда... Один — гневный, другой, кажется, хуже... презрительный. Так тебе и надо!»

Но парень он был молодой, а какому же молодому парню не обидно прочитаты в глазах хорошенькой девушки презрение!

Шофёр прибавил газу. Быстрее замелькали придорожные кусты. А перед глазами снова возникло её гневное, сердитое лицо. «Хотя, что я, — старался успокоить себя паренёк. — Вот и буду перед каждой... телегой раскланиваться! Тут паром, ждут горячего...»

Впереди блеснула Катунь. Крутой поворот налево — и спуск к реке. Под колёсами шуршит катунская, разноцветная галька.

«Шофёр второго класса Василий Рудаков... Стотысячник... Растяпа... Слон и слон. Ведь это всё равно, что отдавить девушке на танцах ногу... Неприятность...»

Когда Фрося с Нефёдычем спустились к реке, с паромы съезжали первые машины и подводы. Скрипели по песку колёса гружёных телег, кричали возницы. Фрося наклонилась к деду и торопливо наказала:

— Становись наперёд...

— Они тебе станут, шофера-то... Разве Фадеича упросить?

— Кто такой?

— Да паромщик, Иван Фадеич Катунцев... Сад водит тоже... Родня, вроде, тебе будет.

— Любитель, значит?

— Наверно, любит.

— Тогда не отставай, — сказала Фрося. — Не отставай!

Быстро смахнув застывшие капли грязи с туфель и чулков, она накинула на плечи пиджачок, соскочила с телеги и пошла вперёд. Дед изо всех сил пошевеливал коня, боясь отстать от неё.

Когда Фрося подходила к парому, с него, утопив припаромок, тяжело съехала последняя гружёная трёхтонка и паромщик, высокий, чёрный мужчина, крикнул на берег:

— Давай, кто там первый!

Справа у Фроси зафыркала машина, но она, схватив за узду коня, пересекла её дорогу.

— погоди, больно прыткий! — проговорила она вполголоса, а деду крикнула: — Погоняй! Погоняй!

— Эй, подвода! — крикнули с парома. — Пропусти бензовоз. Ему без очереди положено.

Фрося бросилась к паромщику.

— Иван Фадеич! Дяденька! — глотая слова, зашептала она. — Вызывают срочно... Сам Лисавенко будет... Совещание...

— Что? — удивился паромщик. Вдруг лицо его прояснилось. — Михаил Афанасьевич? Сам?

— Будет сам! — твёрдо сказала Фрося.

— Гони, гони, дед! — крикнул Фадеич. — А ты не спеши! — кивнул он шофёру и, оглядев девушку светлыми своими глазами, сказал:

— Садовод, значит, будешь?

— Садовод.

— Счастливая... Поговорить, небось, сможешь с ним... с Михаилом Афанасьевичем?..

Паромщик вздохнул.

— Когда б мне хоть довелось... Сюда, сюда, к правому борту прижимайся! — крикнул он старику.

— А вы бы взяли да съездили, — сказала Фрося.

— Когда теперь! — махнул он рукой. — И день и ночь...

Бензовоз, рванувшийся было за подводой, вдруг заглох. Стукнула дверь кабины, выскочил с длинной рукояткой шофёр. Он сердито крикнул:

— И чего паромщик смотрит! Куда ты прёшь, старый?

Но Нефёдыч уже выезжал на паром. Погремев рукояткой, шофёр завёл машину и, когда подходил к дверце, увидел Фросю. Она стояла рядом с паромщиком и, облокотясь на перила, смотрела на воду. Шофёр оторопел. Перед ним стояла та самая девушка...

— Здравствуйте! — приподнял он кепку. На лоб выпал рыжеватый чуб. — Вы уж меня... того... Загляделся...

— Так это вы? — нахмурилась девушка. — Нечего сказать... Знаете своё дело... — она презрительно оглядела его. Глаза её говорили: «И такому доверяют машину». Потом, подняв голову, решительно отвернулась и отошла.

— Эй, бензовоз! — крикнул нетерпеливо паромщик. — Чего тянешь? Гони машину!

Катунь, светлозелёная в это время года, струилась за паузками. Змеилась пенная дорожка. Покачивалось, разваливая надвое изумрудное тело реки, огромное кормовое весло, а блок бежал короткой перебежкой по стальному канату.

Фрося не могла отвести глаз от реки. Ей казалось, что она вовсе и не плывёт на этом дощатом пароме, что это и не вода совсем струится, бьётся белорыбицей у кормы, а чудесный зелёный луг, и они скользят по его зеркальной отполированной поверхности.

«Как хорошо», — вздохнула Фрося и вдруг вспомнила сконфуженное лицо молодого шофёра. «Может, он не смог остановиться», — подумала она, но тут же сердито прошептала:

— Хороший шофёр не позволит... Нечего жалеть их...

Скрипнуло на корме весло. Она оглянулась. Берег уже отделяла широкая водная полоса.

— Плывём, — улыбнулась Фрося и глубоко вздох.

нула. Откуда-то из маленькой будки расслышала голос Нефёдыча. Очевидно, он разговаривал с паромщиком. Где-то за бортом, в лодке, кто-то, фыркая, шумно умывался.

— ...Сызмальства по этому делу пошла, — говорил Нефёдыч, — дотошная... Бывалыча, под окном у себя что ни воткнёт — всё растёт, цветёт... Одна, отчудила такую штуку: взяла картошку и давай на ней помидору прививать... Бабы смеются, а она, вот скажи настырная девчёнчишка какая, постановила на своём...

— И вырастила? — не вытерпел паромщик.

— Куста четыре, кажись... Только не созрели, помидоры-то. А так, честь по чести: внизу — картошка, вверху — помидоры висят.

— Ишь ты, выдумщица! — похвалил Фадеич. — Мне б такую помощницу, — вздохнул он. — Рябину приучаю сейчас... Культурную хочу сделать...

— А-а! И можно? — удивился старик.

— Добьюсь... Срезал веточку смородины, привил... Что будет?

Фрося улыбнулась про себя: «Ничего и не будет! Надо подсказать».

— Приглядываться стал народ ко всему, — продолжал паромщик задумчиво. — Посмотрит, изловчится, глянь и получается...

Вмешались новые голоса. Говорил кто-то с грузовой машины.

— Вот у нас в «Маяке» школьники вырастили такое, знаете, как чумиза, только мельче... На масло идёт... Очень полезная штука.

— В прошлую зиму, — заговорила женщина, — в нашей деревенской столовке огурцы зелёные появились... Ей богу! Ходили, пробовали всей деревней... Ничего, обыкновенные и пахнут так же...

— Это в городах давно, — вставил мужской голос.

— А в деревне кто знал раньше? — возразила женщина. — Там, небось, учёные агрономы выращивают, а у нас рядовая бабёнка, Дуняшка Маслова.

— Свободу мысли почуял народ, — солидно сказал Нефёдыч и вдруг закричал на весь паром: — Тпруу, варначина! Вот ведь скотина — никакого уёму нет.

— Хороший конь, — согласился паромщик.

— Шмель прозывается, — охотно заговорил дед. — За правлением числится, но приходится, как видишь, по срочным делам самому брать в отъезд... Н-да. А то вот, слышь, как взяла она, значит, Фрося-то, — продолжал свой рассказ Нефёдыч, — наш сад по-своему прибирать. Плохо наш колхозный сад развивался. А стоял он за Камышенкой... Знаешь, небось, наши места... Ну, значит, сад никакого, то есть, дохода не имел. А у нас, все знают, как весна, завсегда и первые цветы и ягоды в Малышевом логу... Вот ей и стукнула в голову догадка. И давай она в том логу измерять теплоту. Зимой измеряет и летом. А потом — в сад. Сверились, в Малышевом-то на каждый день тепла приходится больше... Да что-то намного больше... Я вот кликну её, спрошу. Фрось!

Фрося обернулась.

— На сколько тепла больше в Малышевом, чем на Камышенке?

— На пять градусов в среднем...

— Видал?

— Разница огромная, — согласился Фадеич. — А ведь и у нас так: на одном косогоре тепло, на другом ещё теплее...

Перед Фросей на миг промелькнули эти последние три года. Она сколотила молодёжную бригаду. Иван Иванович, биолог из семилетки, вёл их кружок. Они настояли на пересадке сада в Малышев лог. Сколько стоило ей это бессонных ночей! Теперь восемь сортов яблонь выращивает, чёрную рябину. «О рябине надо подсказать Фадеичу», — ещё раз подумала Фрося.

Мысли её перебросились в город. «А вдруг подойдёт Михаил Афанасьевич и скажет: «Ну, как, Белкина? При таком микроклимате можно, пожалуй, не только яблоки, но и виноград вырастить... А у тебя не ладится дело».

Фрося вздохнула, ухватила за перильца и, вытянувшись, стройная и красивая, мысленно разговаривала со знаменитым садоводом, пытливо вслушивалась в его воображаемые советы.

— Не упадите! — раздался вдруг голос рядом.

Фрося испуганно отстранилась и увидела перед собой молодого шофёра.

«Стоит и всё слышит», — метнулась первая мысль. Но слышать он не мог — она ведь думала, а не разговаривала. Фрося ответила:

— Ничего... Не из пугливых...

— Это хорошо, — согласился парень серьёзно. И какая-то напряжённость, какая-то настороженная внимательность — в голосе и глазах.

— Не знаю уж, хорошо ли, плохо ли... Какая есть...

— Вы не сердитесь на меня за... за давешнее?

Фрося посмотрела на туфли, на чулки, улыбнулась.

— Просохла. Тоже, мода у вас. Ухарство, что ли?

Он покраснел.

— Не справился с тормозом... Получилось неожиданно... Спешил на паром... Сами знаете, лишняя минута простоя...

Фрося посмотрела на его бензовоз.

— Ваш? — спросила она.

— Мой. На вид неказистый. Верно? А ничего...

— А что там за планка под стеклом?

— Это так...

Фрося пригляделась внимательней и прочла надпись вслух:

— «Сто тысяч километров без капитального ремонта». Ого! — Она оглядела парня. — Мне за всю жизнь столько не проехать...

— Как ездить, — улыбнулся он. — Я сегодня из «Светлого луча». Знаете?

— Знаю. Далеко.

— Да. А вы откуда? Вы меня извините... Просто я так... Не подумайте...

Ей понравилась его стеснительность. Она просто сказала:

— Из «Верного пути». Слыхали?

Фрося поправила лёгкую, воздушную косынку и взглянула ему в лицо. Взглянула и засмеялась.

— Чему это... вы? — сконфузился шофёр ещё пуще.

— Умываться не умеете! — блеснула весело глазами Фрося. — Щеки вымыли, а дальше, как было... Вот и вот! — она шагнула к нему и провела пальцем по его лицу.

Шофёр покраснел.

— Дома умоюсь... Вы знаете, Фрося...

Она вскинула бровями.

— Не удивляйтесь! Слыхал, как дед называл вас...

Я умывался в лодке... Ведь не ошибся?

— Ну, пусть, Фрося... А дальше что?

— Знаете, Фрося... Сейчас паром пристанет к берегу... Вы ведь в город? На лошади, на Шмеле?

— И коня узнал! — хлопнула руками Фрося.

— Это всё он виноват, ваш дед...

— Ну-ну. Паром причалит. Потом?

— До города ещё 18 километров... Ну, когда дотащитесь?

— «Дотащитесь»! — обиделась Фрося. — Вы не знаете Шмеля!

— Всё равно... Когда?

— К закату, — сказала Фрося.

— Ну вот... а я б вас... Я бы через двадцать минут домчал в кабинке!

Фрося покраснела. Ей приятно было его внимание и, может быть, в другой раз она и согласилась бы, но сейчас не могла.

— Дед? — спросил он. — Дорога ему известна... А мы б... Я бы вас к городскому саду скатал. Там у меня друг есть... Тоже... садовод, как вы!

Фрося улыбнулась, глянула перед собой и вдруг вместо водной глади увидела она надвигающийся на них обрывистый песчаный берег.

«Вот и приехали... Конечно, он совсем не похож на других, но ехать с ним она не может...»

Пробежал с толстым концом верёвки паромщик. Он размахнулся и кинул его на припаромник...

— Эй, там! Держи!

Кто-то поймал верёвку и быстро обхватил ею столб. Припаромок закричал, закачался. Паром, подавшись кормой вперёд, толкнул его и, скользя вверх по ребру его, остановился.

— Счастливо доехать вам! — сказала Фрося и, не оглядываясь, пошла к коню. Проходя мимо бензовоза, посмотрела ещё раз на планку («сто тысяч...») и номер — Н-02-55. «И почему он говорит, что неказистая она, — подумала Фрося, оглядывая машину. — Хорошая... Быстрая».

— Фрося! — услышала она взволнованный голос. —

Я забыл вас спросить, Фрося. Ведь «Верных путей» у нас два в районе... В Солоновке и Захарьевке. Как самый верный найти? То есть, в котором вы...

— А к чему вам? — тихо спросила она. — Уедете и всё...

— Может, придётся... яблоч покусать...

— У нас молодой сад. Не снимаем ещё плодов... А вот у них там, в Захарьевке, снимают уже второй год...

Он улыбнулся и тихо сказал:

— Всё равно в райсельхозотделе вашу фамилию скажут. Вот увидите!

Фрося обернулась к нему и внимательно посмотрела в глаза.

— Это вы... всерьёз?

— Честное комсомольское! — взволнованно сказал он.

— Не надо спрашивать... Я скажу сама... Моя фамилия Белкина... Вот.

— Фрося Белкина, — тихо проповорил он.

— Эй, бензовоз! — закричал паромщик. — Давай!

— Значит, до свиданья, Фрося! — он взял её руку и осторожно сжал в своей.

— Счастливо! Только не брызгайте больше на встречных девушек!

Он весело сверкнул глазами.

— Не беспокойтесь, Фрося... Такое бывает... Такое раз в жизни бывает... И вы... вы не будете жалеть об этом, Фрося...

Она улыбнулась, покраснела. Стукнуло сильнее обычного сердце.

Съезжая с парома, машина потрясла его, сдавила припаромок.

Дед повёл Шмеля на поводу, еле сдерживая его.

— Стой, стой, шельмец! Застоялся!

Фрося подошла к паромщику.

— Рябину, Фадеич, не стоит смородиной прививать... Польза едва ли будет.

— Покорно благодарствую за совет! — обрадовался паромщик. — Ведь самоучкой дохожу. Пожалуйста не забудьте рассказать про совещание, когда вернётесь...

Он огляделся и тихо добавил:

— Ещё есть секрет... Племяш был в Австрии, миндаль привёз, семена... Я посадил. Как добиться, чтоб рос? Спроси, дочка... Прошу. Ещё прошу, ежели поедет он на курорт наш или так зачем, пусть заезжает к Катунцеву, ко мне, то есть...

Фрося распрощалась с садоводом-любителем.

Шмель просил повода. Дед не давал. Вытянул руки, держит. Ласково журит, явно любуясь нетерпением лошади. Фрося посмотрела вперёд — далеко в степи вилося облачко пыли. Машины было не видно уже.

— Нет, уж ты, Нефёдыч, не держи, — заметив усилия старика, сказала категорически Фрося. — Видишь солнце-то где... Ты пошевели его, пошевели... Пусть разомнётся. А то давай я сама.

— Ну, ну, — сердито сдвинул брови старик. — Такого коня. Тут мужчине впору сладить... Эге-ей! — крикнул вдруг он и ударил правой вожжей. Шмель рванулся вперёд.

Фрося улыбнулась и стала припоминать разговор на пароме с самого начала. «Как и с чего началось это?» — подумала она. И вдруг всё в ней загорелось, запело от какого-то неясного ещё, но большого, светлого и томительно радостного чувства...

СОДЕРЖАНИЕ

Шаргайта	3
Маринка	36
Высокое поручение	67
Обыкновенная история	97
На пароме	106

Редактор *К. Растегасв.*

Технический редактор *С. Каплан.*

АГ 02086.

Подписано к печати 24. X. 1952 г.

Бумага $84 \times 108 \frac{1}{32} = 1,87$ бум. лист. 6,15 печ. лист. 6 изд. лист.

Тираж 15.000 экз. Заказ № 2149. Цена в переплёте 2 р. 80 к.
без переплёта 1 р. 80 к.

Барнаул, тип. № 1 Крайполиграфиздата

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

11/11 952
21/11 249.

Колич. предыд. выдач _____

1 р. 80 к.

рожный председатель собрал правление: побаивался всё-таки брать на себя полную ответственность. Вспомнили правленцы, как завозили колхозы области раньше породистых баранов, горячо заспорили.

— Чужие у нас сдыхают... Завозили ж другие!

— Приплод некудышний...

— Нельзя деньги на ветер кидать. Общественные деньги.

— Зачем вы берёте первые годы коллективизации? — говорила Майя, сверкая глазами. — Тогда на всю область два зоотехника было. А посмотрите сейчас? Сейчас в каждом колхозе... Не справлюсь — помогут другие.

— Сельхозуправление, — вспомнил Ешев, — рекомендует... Но ведь они нам не хозяева. Вы хозяева.

— Товарищ Ешев! — воскликнула укоризненно Майя.

Ешев пожал плечами.

— За долгие годы председательствования, — сказал он, — я научился быть дипломатом...

— Похоже, — улыбнулась насмешливо Майя. — Вы должны видеть подальше.

— Я и вижу. Случись что, — меня обвинят. Кто, скажут, вам предложил? Нет, пусть на демократию.

И ешевская «демократия» победила: правленцы не решились взять породистых баранов.

Тогда вечером пригнали Ялатовы к конторе двух своих дойных коров и двадцать овец.

— Берите в залог, — сказала Майя. — Я приведу ещё свой велосипед...

И привела.

Прискакал следом Мурат и положил на стол председателя решение комсомольской организации.

— Поеду в обком, — сказал он.

— Ну что за шум, товарищи? — воскликнул Ешев. — Разве я не понимаю? Разве нужно меня уговаривать?

— Приходится, — мрачно сказала Майя.

— Напрасно такого мнения, товарищи. Надо уметь работать с массой. Да. Сначала раскатать её, потом заставить заболеть этой новой мыслью — тогда уж, как говорится, ставить вопрос на попу!